

№ 18`

Март 2002 Г.

Гражданину Минину и князю Пожарскому
Благодарная *РОССИЯ. ЛЕТА 1818*
(скульптор Мартос И.П.)

УХТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Родина!

Да что это за диво?!
Насмерть зарубцуются во мне
все твои мечты и перспективы,
каждая былиночка в стране.

Родина!

Чего ни напророчат,
эти все пророчества уйдут.
Как твои березы кровоточат!
Как твои булжники цветут!

Надежда МИРОШНИЧЕНКО

Мы Россияне.
Мы устыцилема.
Мы на своей земле.
Мы дома!

Александр ЖУРАВЛЕВ

(Справка для детей)

Что такое патриот?
Тот, который не орет,
что отчизну любит очень.
А когда беда припрет,
просто за нее умрет,
всем иным не озабочен.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

История не терпит суесловья,
трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью
и не любить без памяти нельзя.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду.

Кондратий РЫЛЕЕВ

Миллионы, веселитесь,
Миллионы, обнимитесь,
Как объемят брата брат!
Лобызайтесь все стократ!

Николай КАРАМЗИН

Был враг чипчак, – и где чипчаки?
Был недруг лях, – и где те ляхи?
Был сей, был тот, – их нет; а Русь?..
Всяк знай, мотай себе на ус.

Гавриил ДЕРЖАВИН

Кричали женщины “Ура!”
И в воздух чепчики бросали.

Александр ГРИБОЕДОВ

И дым отечества нам сладок и приятен.

Александр ГРИБОЕДОВ

О родина святая,
какое сердце не дрожит,
тебя благословляя.

Василий ЖУКОВСКИЙ

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! О славный вид!
Еще напор – и враг бежит.

Александр ПУШКИН

Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

Александр ПУШКИН

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!..

Александр ПУШКИН

Здесь русский дух,
Здесь Русью пахнет!

Александр ПУШКИН

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!

Михаил ЛЕРМОНТОВ

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!

Недаром помнит вся Россия

Про день Бородина!

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Михаил ЛЕРМОНТОВ

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:

Богатыри – не вы!

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Богатыри – не вы!
Не то, что нынешнее племя:

Богатыри – не вы!

Михаил ЛЕРМОНТОВ

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Федор ТЮТЧЕВ

Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

С волками иначе не делай мировой,

Как снявши шкуру с них долой.

Иван КРЫЛОВ

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

Николай НЕКРАСОВ

Это – страх, гроза врагам;
Это – посвист богатырский –
Вот что русское “ура!”

Алексей КОЛЬЦОВ

О, Русь моя! Жена моя! До боли
нам ясен долгий путь!

Александр БЛОК

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы,
и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с
нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными
очами!

Александр БЛОК

Сарынь на кичку!

В Казань!

В Саратов!

В дружину дружную

На переключку,

На лихо лишнее

Врагам!

Василий КАМЕНСКИЙ

Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!

Левой!

Левой!

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Я хотел бы

жить

и умереть в Париже

Если б не было

такой земли –

Москва.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

В наших жилах –

кровь, а не водица.

Мы идем

сквозь револьверный лай,

чтобы,

умирая

воплотиться

в пароходы

в строчки

и другие долгие дела.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Если крикнет рать святая:

кинь ты Русь, живи в раю!

Я скажу: не надо рая,

дайте родину мою.

Сергей ЕСЕНИН

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...

Не видать конца и края –

Только синь сосет глаза.

Сергей ЕСЕНИН

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.

Ой ты, Русь моя, милая родина,

Сладкий отдых в шелку купырей.

Сергей ЕСЕНИН

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

Сергей ЕСЕНИН

Я люблю родину.

Я очень люблю родину!

Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.

Приятны мне свиной испачканные морды

И в тишине ночной звенящий голос жаб.

Сергей ЕСЕНИН

Мы умираем,

Сходим в тишь и грусть.

Но знаю я –

Нас не забудет Русь.

Сергей ЕСЕНИН

Рыдай, буревая стихия,

В столбах громового огня!

Россия, Россия, Россия, –

Безумствуй, сжигая меня!

Андрей БЕЛЫЙ

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?

Была ли ты? Есть или нет?

Омут... Стремнина... Головокруженье...

Бездна... Безумие... Бред.

Максимилиан ВОЛОШИН

ИСТОРИЯ МСТИТ “ИВАНАМ, НЕ ПОМНЯЩИМ РОДСТВА”...

Уважаемый читатель!

Как бы мы не относились к истории, мы ее никак не можем исключить из своей жизни ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Более того, история мстит за игнорирование ее всем “Иванам, не помнящим родства”. Так и произошло после 17-го года, когда объявили, что до сего времени истории как бы нет, а существует только предыстория. Но уже во время Отечественной войны вспомнили о Суворове, Кутузове, Нахимове и о других патриотических личностях и событиях, в которых в российской истории спасительно проявлялся народный дух. Мне кажется, что вытравливание из общественной памяти многих ключевых событий нашей истории или их искаженная интерпретация немало способствовало тому, что мы сейчас в конечном счете имеем. В том числе войну в Чечне. Между прочим, роль известного Шамиля в зависимости от политических установок несколько раз менялась. В начале (в 30-е годы) он был представлен как руководитель борьбы кавказских народов за свое освобождение с самодержавием. Позднее, после войны, уже в 40-е годы он стал агентом империалистических держав, естественно Англии и Америки, а впоследствии был реабилитирован. Это все было на моей памяти.

Нам может совершенно не нравиться современная политика, положение дел, но все это история сегодняшнего дня, от которой никуда не деться, как бы противно не было. Все большие русские писатели прекрасно понимали роль истории и отдали ей должное. Вспомним хотя бы “Тараса Бульбу” Гоголя, “Бориса Годунова” и “Капитанскую дочь” Пушкина, “Войну и мир” Льва Толстого и “Петра I” его однофамильца Алексея. Это, как говорится, общеизвестное из школьной классики. А вообще, в русской литературе практикуется множественное обращение писателей всех рангов и времен к исторической теме. Не являются исключением и ухтинские литераторы, произведения которых представляются на суд читателей.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

Уважаемый читатель!

Неотъемлемая часть истории – патриотизм.

Наиболее усердно бились и бьются над его корнями политологи. Пренебрежение к нему снижает моральный и боевой дух и приводит к поражениям. Патриотизм до мозга костей, до фанатизма порождает национализм. Есть еще слепой, ложный, пафосный, квасной. Каждый по-своему опасный. Как легко заметить, слово “патриотизм” можно употребить с любым, без исключения, прилагательным и все его не красят. Пик патриотизма всегда приходится на военное время, когда люди перед лицом опасности сплачиваются, а в мирное время он принимает толковательные формы, где каждый волен понимать его по-своему (например, родина не там, где родился, а там, где живешь, т.е., где дом). Сепаратизм как нельзя лучше иллюстрирует такую вольность.

Часто ли в нас возникает гордость за свою историю, страну, народ? Говорят, нам далеко до американцев с их возвышенным чувством национальной гордости. На самом деле Америка с гипертрофированным самомнением нация. А у нас, у россиян, собственная статья. Можно отметить, что и сегодня не зазорно быть патриотом, что доказать любовь к отчизне долг каждого честного гражданина. Еще В.Г.Белинский писал: “Поэт больше, нежели кто-нибудь, должен быть сыном своего времени”.

Патриотическое воспитание молодежи.

Некстати сегодня забытое выражение.

Может этот сборник – ретроспектива всех произведений ухтинских авторов, в которых глубоко звучит тема патриотизма, пронзительно слышен голос Родины и каждый знает, что за ним Россия, – восполнит этот пробел?

Кто-то историю делает, а кто-то пишет. Последних называют летописцами. История пишется и лампой “Вольфа” (Н.Володарский), и стихами об Ухте (В.Журавлев-Печорский, И.Пехтерев), и даже стихами о личностях, пусть которых мы не приемлем. И ухтинские писатели в силу своей ответственности перед историей не стесняются выразить любовь к Родине, а, значит, к отеческим гробам.

Ко всему сказанному не надо забывать, что есть еще патриотизм на деле и есть люди это доказывающие. №8 и №18 “Ухты литературной” – тематические номера. Первый о творческом процессе, второй – об историзме и патриотизме. Тираж в 500 экз. нашел понимание у двух настоящих граждан нашего города – Короткова Валентина Павловича, генерального директора УСМН, и Ачиловой Тамары Иозасовны, директора фирмы “Стоун”.

Алексей МИЛЬКОВ

Василий ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

НАД УХТОЙ

Ветлосян, гора Медвежья,
 Не забыла ты,
 Как по хвойникам безбрежным
 Разнеслось “Ух-ты!”
 Разнеслось
 И укатилось
 В голубой туман.
 Лишь на божескую милость
 Уповал Иван.
 Тот Иван. Каких бродило
 Много по Руси.
 Только бы с крестом могилу! –
 Больше не просил.
 Может, он – Иван безродный –
 Родич мне прямой...
 Я с утра брожу сегодня
 Над рекой Ухтой,
 Где от прошлого осталась
 Дряхлая изба.
 С чьей-то меткой заваялись
 Два больших столба.
 Пропитались нефтью,
 илом –
 Сберегла река...
 Мы и жизнь перестолбили
 На века.

ВЕСЕЛЫЙ КУТ

Куда нас только ноги не уносят.
 Уже темно.
 Пора к огню присесть.
 Веселый Кут, ты вновь встречаешь осень,
 А помнишь, как я заблудился здесь?
 Мальчишкой был.
 Мне стало страшновато.
 Я озирался около огня.
 Казалось мне: шумят не перекаты,

Вот-вот медведи слопают меня.
 А утром речка присмирела сразу.
 Услышал я: дуплетами палят.
 И напрямик пошел,
 Звериным лазом,
 Через кусты, где тесно от маслят.
 Сижу сейчас и поджидаю снова,
 Как в стороны тропинки побегут...
 Возьми меня и закружи сосновый,
 Березовый,
 Малиновый,
 Еловый,
 Веселый Кут.

Иван ПЕХТЕРЕВ

ГОРОД НАШЕЙ МЕЧТЫ

Над рекою таежною, быстрою
 Этот город встречает рассвет.
 Не из лунного камня он выстроен,
 Но прекраснее города нет.

Я смотрю, а душа тревожится,
 И ликует совсем неспроста.
 Как живешь ты родная таежница,
 Вечно близкая сердцу Ухта?..

Я иду по проспекту Оплеснина,
 Восхищений своих не тая.
 Здесь звенела веселою песнею
 Наша юность – твоя и моя.

Здесь и в зной, и в суровую стужу мы
 Начинали и жить, и дружить.
 На плечах своих крепких, натруженных
 Поднимали Ухты этажи...
 Не забудутся дни эти трудные,
 Хоть пройдет и еще много лет,
 Перезвоны реки семиструнные,

И свидания первых рассвет.

Это значит, что сердце не старится.
И не старится в сердце мечта.
Это значит, что станет красавицей,
Еще лучшею наша Ухта...

Над рекою таежною, быстрою
Этот город встречает рассвет.
Не из лунного камня он выстроен,
Но прекраснее города нет.

Я смотрю, а душа тревожится,
И ликует совсем неспроста.
Расцветай дорогая таежница,
Наша молодость, наша Ухта!..

РОССИЯ

У папертей, где плакали и пели,
Устами слабых, нищих и калек
Был создан рай под ветры и метели,
Заветный край, где счастлив человек.

Из века в век Россия грязь месила,
Затебив веры смутную звезду.
Ждала она, что явится Мессия
И он развеет горе и нужду.

Промозглый ветер по степи елозил
И штык
Звезды сиянье отражал,
В ночи хрипели мерзлые полозья
И версты шли в халатах каторжан.

Шли по снегам то гладким, то ребристым
На край далекой, пасмурной земли,
Туда, куда опальным декабристам
Тайком "Посланье" Пушкина везли.

В сугробах вязли версты, обессилив,
И снова шли...
За ними – широка,
Как степь России, как сама Россия,
В снегах звенела песня ямщика.

Скрывались годы в млечности туманов...
Но, открывая Маркса первый том,
Горел борьбою юноша Ульянов,
Чтоб стать для мира Лениным потом.

Тянулась к солнцу молодая сила
И обрела могучие крыла
И Русь, что раньше верила в Мессию,
На баррикады с песнею пошла.

Ее попы от церкви отлучили,
Но перед ней открылся в Октябре
Великий путь победы – от лучины
До золотых огней на Ангаре.

То дикие орды, то черные орды
Топтали луга и поля моей Родины.

Летели копыта, копыта, копыта...
Но Русь не была вражьей силой побита.

Она уставала, от битв уставала –
Вставала, до звезд головой доставала.

Высокая ярость, высокая сила –
Россия клинки выше звезд заносила.

В студеные зимы она не замерзла...
Под светлый весенний, под яростный звон
Россия рассветы ткала, как знамена
Для будущих битв, для грядущих времен.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я в детстве ее повстречал под Смоленском,
Закат занимался туманный, как сон...
Звучала она по лугам, перелескам
И был в этой песне раскованный звон.

Ее напевал колокольчик наивный
И колокол мудрый, что прожил века,
Печальная иволга пела на иве
И в поле широком седая река.

Я слушал, как звездное небо звучало,
Звучало до новой зари напролет...
И чудилось мне, что Россия начало
Из этой вот песни старинной берет.

Ее мы не раз из огня выносили –
Нет ей, как и Родине нашей, конца.
Звенит и звенит в этой песне Россия –
И наши и прадедов наших сердца.

БЕЛАЯ РУСЬ

Есть такая река
На родной стороне:
Утром там облака
Чутко спят в тишине
Наподобье гусей –
Голова под крыло...
А по синей реке
Уже солнце прошло.
Здравствуй, Белая Русь!
Я стою в тишине,
Я стою и боюсь:
Ты не снишься ли мне!
Нет, ты есть наяву –
И, счастливый, я пью
И твою синеву,
И прохладу твою.
... Жаль, что короток день,
Покраснела река.
И плывут по воде
На закат облака.

РОВЕСНИКУ

Роса и синь, и молодая сила,
И песня, что придумал соловей,
Звучат в чудесном имени – Россия –
С времен Бояна и до наших дней.

В нем перезвон архангельских морозов
И солнышко на крыльях у берез,
И свет живой, который Ломоносов
В Москву от моря Белого принес.

В нем звон цепей и песен отголоски,
Опальный Пушкин со свечой в руке,
Смеющийся и плачущий Чайковский
На трубном и смычковом языке.

В том имени разливом рек весенних
Кипит, клокочет ленинская мысль,
В нем песня, что пропел Сергей Есенин...
Мы с именем Россия родились.

Роса и синь, и молодая сила,
И песня, что придумал соловей...
А что оставим мы с тобой России,
Чтобы она была еще светлей!

* * *

Это поле, смех его и грусть,
И высокий месяц круторогий
Я запомнил с детства наизусть,
Как простые пушкинские строки.

И живет во мне с тех самых лет
Ширь его, щемящая до боли –
Здесь я встретил ясный свой рассвет,
И мой полдень – тоже в этом поле.

А для скольких здесь рассвет погас!
Ты узнай по гильзам и подковам...
Это поле было много раз
Для России полем Куликовым.

Где бы ни был, я ношу в себе
Это поле русское, – и счастлив,
Что и я к большой его судьбе,
Словно колос зреющий, причастен.

РОМАНТИКИ

Называли нас с детства – романтики,
Не за то, что искали цветы
В звонких рощах березовых в марте мы,
А за ясность и смелость мечты.

Зрелость видели мы не по метрике:
Полнолетье – к работе любовь.
Знали – молодость не померкнет
У романтиков в деле любом.

Лишь неверцы бросали нам вслед:

– Начитались идейных романтиков,
Вот и прет коромыслом ваш бред...
И кривили насмешку: – Романтики!..

Приезжайте... Идите на риск –
До геройства вам не добраться!
Но мы брали билеты в Норильск,
Но мы брали билеты до Братска.

Уводила нас в песни мечта,
Брали честность с собой мы в товарищи.
– Только так! Только так! Только так! –
Грохотали вагоны товарные.

Наших девушек в платьицах простеньких
На вокзале встречали потом,
Приносили мы с солнечной просеки
Им букеты весенних цветов.

Но грохочут опять поезда...
Ждите писем, невесты и матери!
Новый день нас зовет.
Опоздать,
Опоздать мы боимся к романтике.

ЧАШИ ВОЙНЫ

Был бой за деревню...
У дымной опушки,
Где птицы когда-то беседы вели,
Ревели, как будто чудовища, пушки,
Как будто чудовища, танки ползли.

Мне гильзы оттуда потом приносили.
– Годятся на кружки, – кузнец замечал...
Из кружек тех пило почти пол-России
И радость, и счастье, и боль, и печаль.

Стоят обелиски на светлой опушке
На страже певучей лесной тишины.
Хранятся в России латунные кружки,
Не кружки, а горькие чаши войны.

* * *

Поет свирель пастушья поутру,
Идет проселком песенка простая,
Трепещет флаг багряный на ветру,
И над деревней от него светает.

Над рощей зябнет журавлиный крик,
Шуршат березы золотистым платьем...
Все это светлой Родины язык,
И он мне с детства дорог и понятен.

Владимир ФЕДОРОВ**ПАДЕНИЕ НА УХТУ**

Я падаю на город с неба,
Я вижу, как факелы стонут,
Как полыхают от гнева
Когда-то колючие зоны.

Фундаменты давятся костью,
Людей успокоив на время,
Я падаю с неба от злости,
Отдельно и вместе со всеми.

А мимо меня, но обратно
Пронесются искрами “зеки”,
На небе холодном и ватном
Оставя больные рассеки.

ПОСВЯЩЕНИЕ УХТЕ

На границе с морями ягеля –
Непуганые края.
Здесь город вырос из лагеря,
А из города – лагеря.

Здесь каждый дышит по-разному,
Думает каждый свое.
Что-то личное вечно празднует,
Постоянно чужое пьет.

Что-то общее ловит по радио,
Каждый день по привычке ест.
По-тихой торгует с дядями
Из популярных мест.

Здесь каждый второй без прошлого.
Здесь каждый первый – второй.
Здесь очень много хорошего,
Упрятанного тайгой.

Здесь многое неподсудно.
И знает – кто поумней –
Приехать сюда нетрудно,
Уехать отсюда трудней.

Николай ВОЛОДАРСКИЙ**СЛОВО ОБ УХТЕ**

Не пугайтесь вы облачка серого,
прилетайте на Яке, на ТУ!
Не случайно жемчужиной Севера
называют наш город Ухту.

Здесь когда-то в краю заброшенном
нас не баловала зима.
Но поднялись в тайге запорошенной
белокаменные дома.

Мы воздвигли заводы и промыслы,
нефть покорно по трубам бежит.
Не фантазия это, не домысел.
Приезжайте гостить и жить!

ПОВЕНЧАЛИСЬ ПАРМА С ТИМАНОМ¹.

Где пурга куролесила люто
и бродяжничали туманы,
в том далеком краю
неуютном
повенчались Парма с Тиманом.
Повенчались ни поздно, ни рано,
в самый срок.
Подоспели годы.
Он доводится братом Уралу,
и она из знатного рода.
А точнее – сестра родная
знаменитой Тайги Сибирской.
И еще я замечу, кстати,
что Тиман и красив, и статен.
Не болтлив, а на самом деле
он сокровищами владеет.
Короли того не имели.
Собирал он свой клад веками.
И теперь у него
в подземелье
есть и нефть,

¹ Парма – тайга (коми), Тиман – горная возвышенность на Северо-Востоке России.

и горячий камень,
и алмаз,
и запасы титана...
Это все надежно хранится.
Впрочем, Парма,
могу поручиться,
не намного беднее Тимана.
Чем, скажите, плохая пара?
Опустив густые ресницы,
улыбается скромница Парма,
ей ведь тоже есть чем гордиться.

Кто сказал, что она из нищих?
Не впадайте, друзья, в заблужденье.
Приглядитесь-ка:
верст за тыщу
протянулись ее владенья,
где и птиц,
и зверья хватает,
где навряд ли кто подсчитает
серебро и бронзу деревьев.

Как хотите, а я поверил
в этот прочный союз
и сразу
понял сердцем – тут без обмана.
Засыпает зеленоглазая
на могучей груди Тимана.
Укачали их, утомили
эти снежные белые будни.
– Пусть наш край, –
они заявили, –
станет радостней
и многолюдней.
Далеко к нам, правда,
далече.
То болота в пути, то сугробы.
Мы пойдем человеку навстречу
и не будем с ним слишком суровы.

Одолеет он дальние дали,
мы покажем ему тропинки.
Для него
мы добро собирали,
для него
мы добро копили...

Повенчались Парма с Тиманом,
в самый срок,
ни поздно, ни рано.

У ПАМЯТНИКА В СЕЛЕ УСТЬ-УХТА

Разве сердцу прикажешь:
не надо,
не плачь,
не волнуйся.
На граните – фамилии тех,
кто домой не вернулся.

Много их,
Кто от пули погиб,
а кто подорвался на mine...

За свою Усть-Ухту
они дрались в степях Украины
и на Курской дуге,
и на улицах Сталинграда...

Разве сердцу прикажешь:
не плачь,
не волнуйся,
не надо.

Не вернуть земляков,
им нелегкая выпала доля.
Они пали в бою
с ненавистной фашисткой ордою.

За Отчизну!
За счастье!
За солнце!
За правое дело!

И касается облачка
многометровая стела.
И приходят сюда постоять
в неизменной печали
дети павших в бою
и притихшие односельчане.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛАМПЕ “ВОЛЬФА”

Шахтерам Яреги²

С той давней поры немало
воды утекло-убежало.
Теперь эту лампу увидишь
только в музее, пожалуй.

А раньше мелькала в забоях.
Увы, не по книжкам знаю.
С улыбкой и смутною болью
я время то вспоминаю.

То давнее время невольно
приходит на память мне часто.
С неяркой лампой “Вольфа”
шагал я на свой участок.

Работа не умолкала,
хоть лампы едва мерцали.
Мы в шахте той уникальной
не уголь, а нефть добывали.

Работа в шахте бурлила,
трудились, презрев унынье.
И лампа, забытая ныне,
пусть тускло, а все же светила.

ВЕРНОСТЬ

Деды, отцы и братья
пали в боях не напрасно.

² Ярега – единственное в мире месторождение тяжелой нефти возле Ухты, добываемой шахтным способом.

Порохом опаленные,
шли
за отрядом отряд.
Нет, никогда не поблекнут
и никогда не погаснут
огненные знамена
нашего Октября.

Счастье – большое и малое –
кровью и потом добыто. 2
Недруги нам пророчили
гибель

из года в год.
Кинулись – были биты.
Кинутся – будут биты.
Время нас закаляет,
партия нас ведет.

Там, на другом полушарии
кое-кто и не весел...
Краснознаменное шествие
не повернуть назад.
В грохоте канонады,
в мирном труде и в песне
наши сердца
неотступно
партии верность хранят.

ВСЕ МЕНЬШЕ ТЕХ, КТО СЛЫШАЛ ЛЕНИНА

А.В Рейман, члену КПСС с 1918 года

Все меньше тех, кто слышал Ленина,
кто близко знал его и видел.
Встречаясь с Вами,
почему-то
всегда испытываю робость.
Вы были с Ильичем знакомы.
И вот сейчас
он перед вами –
живой, стремительный в движениях,
доступный и непостижимый.
Вы слышали его с трибуны
и просто в дружеской беседе.
Его немеркнувшее слово
Вы в сердце пронесли
сквозь годы.
Да, это было.
Вас бросали
по тюрьмам и по пересылкам...
Но где бывало, чтобы кривда
навечно правду победила?
И партия, презрев наветы,
Вам имя доброе вернула.
Мы с Вами в парке
на скамейке
ведем, не торопясь, беседу.
Я больше слушаю.
(Седины
не старят Вас, а украшают).
И Вы,
мою уважив просьбу,
о Ленине рассказ ведете.
О щедрости его великой,

о мудрости его великой,
о том, как он поднял народы
на честный бой
за справедливость.
Мне трудно удержать волнение –
история со мною рядом.
И каждая моя кровинка
любовью к Ленину пылает.

СКРОМНОСТЬ

Кто не знает, что солнце –
жизни начало?
Кто не знает, что Ленин
стоял у штурвала
революции?
За океаны и горы
долетала громкая слава
“Авроры”.
И поныне она озаряет планету...

Но в двадцатом
Ильич заполнял анкету:
“Где родились
и где в эмиграции жили?”
Как у всех коммунистов,
его спросили:
“В Октябре,
когда люди сражались
за счастье,
в чем конкретно
сказалось
ваше участие?”

Самый мудрый
и самый скромный на свете
с чувством гордости
так на вопрос ответил:
“В дни восстанья
за волю и власть Советов
я был членом Центрального
Комитета”.

ЛЕНИН В РАБОЧЕМ ПОСЕЛКЕ

Ленин смотрит на наш поселок
с пьедестала –
совсем живой.

Заселяют дома новоселы,
юный скверик шумит листвою,
архитектор склонился
над планом,
рядом плотник
стучит топором,
и хозяйки несут румяный
хлеб.

Он пахнет еще теплом.
По дороге малыш веселый
важно шествует в первый класс...

Ленин смотрит на наш поселок,

он не сводит прищуренных глаз
с площадей и кварталов
 звнящих,
где ни бедности,
 ни лачуг.
И мы знаем,
 что этим счастьем
мы обязаны Ильичу.

У подножья
 цветы и ленты,
но готовы сердца принести...
Ленин речь говорит
 с постамента,
весь в движеньи,
 в порыве весь.
Тверже стали он, крепче кремня.

Проплывают над ним облака.
И распахнуты
 ветром времени
крылья простенького пиджака.

РОДОМ Я ИЗ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Вглядитесь:
я в обычной одежде,
ростом я не гоюсь в великаны.
Но, тем не менее,
должен признаться —
каждый мускул мой налит железом.

На зависть
дряблым и пустотелым,
старость меня стороной обходит.
Я врос корнями
в мерзлый суглинок,
в теплую землю ушли мои корни.

И в этом залог
моего бессмертья.
Все, что задумаю — все мне под силу.
Ракета в полете!
Да будет известно:
это я запустил ее в небо.

Кто скажет,
что я недостаточно нежен?
Жалоб подобных пока не слышал.
Своими руками
в поля золотые
я вплетаю синие реки.

А родом я
из Страны Советов,
Стоит мне песню сложить,
и мгновенно
ее поют на всех континентах,
ибо она призывает к счастью.

ИНОЕ ВРЕМЯ НАСТАЛО

Иное время настало
и ждал я его не один...
Когда-то, еще при Сталине,
в неволю я угодил.
Не жульничал, не был вором.
не грабил, не убивал.
В недобрую ночь
 черный ворон
меня у ворот ожидал.
И понял я, песня спета.
Втолкнули в тюрьму.
 А за что?
За то, что, якобы, где-то
я слово сказал не то.
И в помыслах не был грешен,
а все ж “схлопотал” десять лет.
Прошел я сквозь ад кромешный
и, смерти назло, уцелел.
А вспомнишь —
и больно и грустно,
но счастлив, что жив, что дышу.
Не всем, к сожаленью, по вкусу,
что давнее ворошу...
Я знаю: воскресни Сталин,
мне снова бы не сдобровать...
Но время иное настало
и не повернуть его вспять.

ЧАЕПИТИЕ

Когда товарищ Сталин жил,
мой друг его боготворил.
Он в нем, вожде, души не чаял.
И помнится мне
 до сих пор —
в компании за чашкой чая,
тот давний грустный разговор.

— Меня порой, — сказал мой друг, —
охватывает страх.

А вдруг
отец родной уйдет из жизни,
смерть никого ведь не щадит.
Кто поведет нас к коммунизму,
кто нам дорогу озарит?
А впрочем, впрочем...
 Сталин вечен!
Над ним не властвуют года.

В тот злополучный черный вечер
мой друг исчез.
И навсегда.

* * *

Историки литературы
вспомнят еще обо мне.
Я был знаменитым поэтом
в провинциальной тюрьме.

С лица моего и поныне
не сходит смертельный мел.
В известную страшную пору
и я за решеткой сидел.

И там, притворяясь спящим,
стихи свои сочинял.
Но в самые мрачные строки
я ниточки света вплетал.

И каждый в тех строчках правдивых,
рожденных, увы, не в раю,
угадывал хоть немного
печаль и надежду свою.

Я в камере многолюдной
играл не последнюю роль,
но счастлив, что все это в прошлом –
и слава моя, и боль.

ЭКЗАМЕН

Раздражали слякоть и клочья тумана.
И вообще –
Дурново себя чувствовал скверно.

– В Петербурге, –
сказал Дурново, –
Ульянов,
он приехал сдавать экстерном.

Ведь многие мыслят:
один – не сила,
к тому же слишком молод.

А я вот спрашиваю:
нужна ли России
образованная крамола?

Впрочем, увидим,
сдаст ли успешно?

Богат ли запас его знаний?
Владимир Ульянов –
брат повешенного,
и сам успел отличиться в Казани.

Это к слову,
в порядке совета.

Экзамен Ульянова – ваш экзамен...
И ректор Петербургского университета
в недоумении замер.

В полиции могут сработать чисто.
И ректор гнусавил

до самого дома:
– Ульянов не может быть юристом,
не должен иметь диплома.

И вот он, экзамен.
Здесь каждое слово
примерят, возьмут на пробу...
Входит Ульянов.

Слегка взволнован
юноша крутолобый.
А за столами – важные лица.
Всмотритесь в глаза
и прочтете:
все наслышаны –
в местной полиции
сей человек на учете.

И кое-кто начинает злиться,
похоже,
многим не очень приятно.
На каждый вопрос,
даже тот, что с ехидцей,
студент отвечает разумно и внятно,
легко.

А иные,
но правде признаться,
часами мусолят,
над буквою бьются.
И неожиданно грозные старцы
светлеют,
добреют,
сдаются.

А как же полиция?
Не услужили.

И ну ее к дьяволу,
опостылела...

У экзаменаторов,
видно,
в жилах
русская кровь не остыла.

Раздражали слякоть и клочья тумана.
Охранка пугалась
собственной тени.

И все же сдал экзамен Ульянов,
и все ж одержал победу Ульянов.
На то он и был Ленин.

НЕ МЕЧ, А МИР

В июне восемнадцатого года
Нас

мертвой хваткой
брал за горло
голод.

Нас обжигали
фронтовые ветры,

В нас
били из орудий
интервенты.

В нас
кулачье стреляло
из обреза.

Мы были крепче камня и железа.
Мы были крепче камня и металла,
Хотя ржаного хлеба не хватало,
Хотя нужда стучала
в наши избы.

И все же
путь был нами верный избран.

Мы прокляли бесправье и насилие,
И в этой правде
черпали мы силы.

Из чистой правды
черпали мы силы.

На капитанском мостике
России

Стоял Ильич.
И взгляд его
был светел:

Ильич смотрел
сквозь даль
десятилетий.

В июне восемнадцатого года
Нас

мертвой хваткой
брал за горло
голод.

Еще иные
мощные державы

Вонзить пытались
в наше сердце
жало.

Но можно ли
идею поколений

Убить
или поставить на колени?

Пытались –
в темную и откровенно...

А в эти дни
художник вдохновенный

Спокойно рисовал
эскиз эмблемы,

Российской Федерации эмблему.
Пускай

свирепствовали
хворь и голод –

Ложились на бумагу
серп и молот,

Чтобы во век
уже не разлучиться,

Чтоб дружбе этой
не было границы.

Ложились на бумагу,
как литые,

Веселые колосья золотые.
Они ложились

зрелым полукружьем.

И тут же меч –
разящее оружие.

Ильич глядел
сквозь даль
десятилетий.

Глазами улыбнувшись,
он заметил:

– Хороший герб.
Отличный герб,
не скрою,

И только меч
некстати здесь
пристроен.

Кому оно –
оружье это –
мило?

Не меч, а мир
несем мы
людям мира.

Мы с каждым годом,
с каждым днем
сильнее,

Но ленинская мудрость
не тускнеет.

Ракеты наши
вышли
к звездной славе,

Но мысли Ильичевы
не ослабли.

Ничуть не меркнет
ленинское слово,

Оно светило нам
и светит снова.

Мы воздвигаем
коммунизма зданье.

Нам нужен мир.
Не меч, а созиданье.

НОЧЬ КОМАНДУЮЩЕГО (1920 год)

С тех пор
отшумели десятки лет,
но в Лету

та ночь не канет...
Скрипят половицы,
на тусклом столе
чай недопитый в стакане.

С тех пор
отшумели десятки лет,
но память
дверь приоткрыла.
Военная карта лежит на столе,
помятые свесив крылья.

Добро бы уснуть
на минуту, на миг.
Погас клинок горизонта.
Солдатскими
сапогами гремит
командующий фронтом.

Еще не коснулась его седина.
На нем гимнастерка простая.
Подавшись вперед,
застыл у окна,
минувшее припоминая.

Оно наплывает
из тяжелой тьмы,
и к самым стеклам прильнуло:
Побег из ссылки,
побег из тюрьмы,
побег из-под царской пули.
И снова подполье.
И снова страшат
неволей и каторжной тачкой.
Но слышится революции шаг,
бушуют рабочие стачки.
Довольно таскать
ярмо и цепь!
Заветная правда рядом.
И крейсер “Аврора”
берет на прицел
давно ненавистный порядок.

...За окнами –
ржавая, вязкая топь,
колючая поздняя осень.
Любой ценой
надо взять Перекоп
и Врангеля в море сбросить.
А он силен еще,
белый гад.
И ночь превратилась
в крошечный ад.

Клокочет Сиваш –
гнилая вода,
гремит канонада,
люют бед.

Уже под этой гнилою водой
и белых, и красных немало.
Но смело уходят отряды в бой,
на штурм Перекопского вала.

Уходят на штурм.
И враг бежит...
Алеет клинок горизонта.
Солдатскими
сапогами гремит
командующий фронтом.
Он кажется очень спокойным
на вид.
Так надо.
Высокая служба велит...

СТОЯТ ЧИНЫ, НЕ ШЕЛОХНУТСЯ...

*Рассказ ветерана Великой Оте-
ственной войны Ф. И. Суханова*

А был он не велик собою,
тот город, взятый нами с боем.

Фашистам мы свое воздали...
И вдруг в тревожной тишине,
сквозь ночь, сквозь дождь возникло здание
с паучьим флагом на стене.
Недолго длилась процедура
и – свастики в помине нет...
Едва заметен в окнах свет
и вывеска – Комендатура.

Потом подробно мы узнали,
как гитлеровцы здесь застряли.

Они поспешно уложили
свои зловещие “дела”
и драпануть готовы были,
да вот – машина подвела.
Их злобе не было предела:
“Куда девался Ганс-дебил?
Неужто сгинул в самом деле
шофер и с ним – автомобиль?
А время мчится, мчится... Худо.
Захлопнется капкан, капут...”

А все ж надеялись на чудо,
авось на выручку придут.
Нет, им не выбраться теперь...
Со мной однополчане рядом.
Как старшина
стучу прикладом
в тяжелую входную дверь.
Молчат упрямые фашисты,
а надо сдать бы давно...
– Откройте! Мы не будем шиссен.
Да черт возьми, откройте!

Но...

Там приняли свое решение:
сопротивляться, убивать.
И зря.

Сражение так сражение –
их было семь, а стало пять.

Кричу им:

– Хенде хох! Ни с места!

Понятно вам? Ну вот... Зер гут.
Я знал немного слов немецких,
глядишь, и пригодились тут.

Стоят чины, не шелохнутся.
Там, в штабе с ними разберутся...
Но все равно – их карта бита.
А мы – на Запад.

Нас тогда

другие ждали города.
И снова щегольнул я: – Битте.
Прошу на выход, господа.
Шнель, шнель!

И сам посторонился.

Так в нашем русском городке
с фашистами я объяснился
на иностранном языке.

МНЕ ЗНАКОМЫ ЧУДО-СЛОВА

Геннадью Юшкову

Мне знакомы чудо-слова:
Ираэль, Извайль, Айюва.

Есть у нас в Печорском краю:
Хановой, Юнь-Яга, Хальмер-Ю.

Каждый слышал в нашем краю
соловьиное слово: Чибью.

То не птицы в роще поют,
так поселки и речки зовут.

Пусть наш край и суров, и далек,
но хранит он в земле уголек.

Пусть над нами шумит пурга!
Нам навек полюбилась тайга.

Он и нефтью, наш край, богат.
И немало красивых девчат.

Потому и твержу слова:
Щельяюр, Мичаю, Айюва.

Анатолий ПАШНЕВ

КОЛЕЯ

Через степи, овраги
Оренбургской земли
Два усталых коняги
Странный груз волокли.

Клетку мерно качало.
В ней, от горечи пьян,
Зло ворочал очами
Пугачев Емельян.

И смиренно, устало
Звук кандалных цепей
Русь окрест повторяла
Куполами церквей.

Полыхали зарницы
С двух далеких сторон,
И до самой столицы –
Перезвон, перезвон...

Приготовлена плаха,
А ведь грезился трон.
Затрещала рубаха
Под последний поклон.

Голова полетела
Не за так, не за зря,
Вот и кончено дело –
Был – и нет бунтаря.

Сколько их, оголтело,
В цвете разных знамен,
Над страной прошумело
Этих смутных времен.

В иступленности злобной
Напотешились власть,
До последней обоймы,
Кто за хлеб, кто за власть.

И верстая итоги,
Из далекой дали

По российской дороге
Две бегут колеи.

КАЯЛА. 1185 ГОД

Колья, стрелы травой повиты,
На щит разбитый осела пыль.
Сыты вороны, волки сыты.
Ветер северный мнет ковыль.

Гой, ты, степь, без конца и края!..
А над степью зари кумач.
А за степью земля родная,
Далеко... и не слышен плач.

* * *

И вот мелькнет в окне вагонном,
Смещаясь вдаль, наискосок,
Край поля, луг по низким склонам,
И кем-то сметанный стожок.

Изгиб реки небесно-синий,
Тропинки узкой поворот
И темный шлейф дороги длинной,
Сомкнувший степь и небосвод.

А там, в лугах, под небом низким
Из прошлых и забытых лет,
Тобой не узнанный мальчишка,
Махнувший кепкою вослед.

Все промелькнет. И вновь спокоен
Пейзаж за окнами скользит.
Но что-то вспомнится родное
И странным чувством озарит.

И вдруг поймешь в наплывах гула,
Сжимая пальцы добела,
Что это Родина взглянула
И взгляд усталый отвела.

И будешь долго и бессонно
Стоять у пыльного окна,
Следя на длинных перегонах
Как мило движется страна...

ЕМЕЛЯ

Надежд не имея,
С приبلудным котом
Ночует Емеля
В овине пустом.

За дверью овина
Соломы возок,
Иссохшая глина
Да рыжий песок.

А там, за овином,
В мерцаньи излук
Река половинит

Ромашковый луг.

А дальше, за лугом,
Где спит горизонт,
Как зерен за плугом
Рассыпано звезд.

Но словно за шторами,
В блеске луны,
Есть звезды, которые
Нам не видны.

Над ними зенит,
Как клинок палаша,
Туда и летит
Для бессмертья душа.

Так кто же, хмелея,
Задумался здесь,
Беспутный Емеля
Иль ангел с небес?

* * *

Звуки плывут и плывут,
Звукам названия нет,
Плавно качая, несут
В тихий сиреневый свет.

Родина! Светлый покой,
Синяя тень на глаза.
Это не тронуть рукой,
С этим расстаться нельзя.

Долгим забудешься сном,
Горький почувствуешь дым,
Если склонишься лицом
К древним одеждам твоим.

И проследить длинный путь,
Словно над бездной скользя,
Как это больно вдохнуть!
Выдохнуть это нельзя...

* * *

Моя светлая судьба
Не расхожий “стольник”,
А по золоту резьба,
Свет на подоконник.

К солнцу вьющейся лозы
Виноградный локоп,
И предчувствие грозы
У раскрытых окон.

Чаша красного вина,
Что как кровь глотаю,
И звезда в окне одна,
Имени – не знаю.

Запах ржи и лебеды,
Чувств непостоянство,
Талый свет – твои следы

В глубине пространства.

* * *

Я ухожу под дождь, под гром,
Я закрываю дверь.
И не жалею ни о чем,
Как не жалеет зверь,

Летящий камнем из пращи,
О том, что вновь и вновь,
Добычу выследив в ночи,
Ее лакает кровь.

Я не жалею прежних дней,
Их радужный обман,
Как не жалеет кораблей
Погибших океан.

И вот, как зверь, один, в дали
Свершаю пиршество.
Любовь и Родина – мои,
И власть, и божество.

Рванусь на запад, на восток
И поплыву в края,
Как кит на розовый песок,
Где Родина моя.

* * *

Позабуду все хорошие слова,
И плохие позабуду – тоже все.
Закачается высокая трава
Надо мною в средне-русской полосе.

Облака, как письма, будут проплывать,
Не жалея ни о чем и не скорбя.
Будет полем, как седеющая мать,
Проходить здесь моя светлая судьба.

Надо мною будет ветер, юн и чист,
Сыпать звуки или листьями сорить.
Только шелест, только трепет, только свист,
Только так я буду с миром говорить.

Лишь к одной звезде и здесь, и в небесах
Я с земным последним словом обращусь.
И с твоим дыханьем вечным на губах
Буду спать, моя загадочная Русь.

* * *

Дорогие вы мои,
Мамины сыночки,
Как вы быстро подошли
К безымянной “точке”.

Где у сжатого кольца
Вся в огне дорога,
Где далеко до крыльца,
Близко лишь до Бога.

До земли, до хрипоты,
До штыков в погоны...
Золотые! Как цветы
Полегли на склоны.

Не отдали, не смогли,
Безымянной пяди,
Разметали у земли
Дорогие пряди.

Первый снег один на всех
Сыплет торопливо...
...Крестит ворон зимний мех,
Не видать поживы.

Анатолий ИЛЛАРИОНОВ

МАЛЕНЬКАЯ СТАНЦИЯ

Эти сосны бесстрастные
Сторожат синеву.
Я на маленькой станции
Все живу и живу.
Позабыты все странствия,
Затерялся мой след.
Мне на маленькой станции
Говорят: “Домосед”.
Но на это ответить
Мне не стоит труда:
“От себя не уехать
Никуда, никуда...”

ПРО ОПИЛКИ

Я целый день пилю дрова,
Все больше на траве опилок.
Чугунной стала голова,
Все меньше в голове опилок.
В моей холодной стороне
Добро изводят на опилки.
О Господи, в моей стране
Кому нужны мои опилки?

* * *

Я свободен,
Я свободен.
От чего освобожден?
И от духа,
И от плоти,
И от четырех сторон?
От земного притяженья?
И от чувства: быть беде?
Может быть, от отраженья
В зеркале или воде?
Я свободен,
Я свободен...
Тонет в океане плот.
Только в темном небосводе –
Вечная из всех свобод.

* * *

Лечит русская зима,
Как от кашля
Водка с перцем,
И от сумерек ума,
И от помраченья сердца.
Сорок градусов мороз –
Это русская потеха.
Рвется береста берез,
Где-то жалуется эхо.
От житейского дерьма,
От болезней,
Вроде мнимых,
Лечит русская зима
Нас,
Людей неизлечимых.

* * *

Не надо иконы менять на лубки,
Иваны да Марьи не все дураки.
Не надо молитвы на речи менять,
Чтоб глаз не мутить,
Чтобы душ не марать.
Хватает и так изуверских затей.
Нет к Божьему Храму
Окольных путей.

* * *

Родина. Север. Глубинка.
Жив я, о жизни моля.
Каждая в поле травинка,
Словно кровинка моя.

Снова – знакомой дорогой,
Передохнув в шалаше.
Нет, моя жизнь не убога,
Если я с Богом в душе!

Речка за ельником влажным
Сладкой слезинкой блеснет.
Горсть голубики от жажды,
Словно от смерти, спасет.

* * *

Русская телега все скрипит,
Едет-едет русская телега.
Чичиков с Обломовым сидит,
А еще Печорин и Онегин.
Поезд мчится. Самолет летит.
Скорость, соответственная веку.
Русская телега все скрипит.
Потихоньку.
Не догнать телегу.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

* * *

Памяти В. Журавлева-Печорского

Голубаны, голубаны³
торопливой чередой
пролетали над лугами,
над Печорой голубой.
На озерах зоревали,
хоронясь в студеной мгле,
и печалились едва ли
об оставленной земле.
Из уютной, из обильной,
чуть вставали на крыло,
их как будто бы турбиной
к льдам арктическим несло.
Пробивались через стужу,
через множество препон,
через тыщи верст и ружей,
полосующих в упор.
Словно было в них спасенье,
в теплоте их малых тел,
и за ними серый Север
зеленел и голубел.
И слабеющий подранок
в клочьях битого пера
до конца тянул упрямо,
на отчизне умирал.

³ Голубаны — порода уток.

* * *

Прощайте.
Завершилась битва.
В дыму крошечном, как в ночи,
уходим хоронить убитых
и раненых лечить.
У них срастется, зарастет,
к ним вновь вернется полноценность.
Но их нарушенная цельность
еще не раз их угнетет.
Кто ж победил? Был тверже кремня
и жить остался без тоски?
Нет никого. Бесстрастно время
фигурки сбросило с доски.

* * *

Все врут календари

А.Грибоедов

Летописи все – вранье,
Что описано с приязнью,
иль хула на имя чье –
так угодно было князю.
Мемуары все – вранье.
Автор, времени попутчик,
виденье дает свое,
чтобы выглядеть лучше.
Вся история – вранье.
Описание в угоду
то ль вождю, то ли народу...
Перепишешь ли ее?

* * *

*Моим предкам братьям Монастыревым:
Нестору, белому подводнику, и Сократу,
красному летчику.*

Они были братья лихие,
и им подчинялись стихии.
Рожден для небесных один,
другой для подводных глубин.
Смягчало различие это
наличие общего цвета:
У каждого над головой
господствовал цвет голубой...
Но кто-то, сживая со света,
весь мир перекрасил в два цвета,
и тем разделил всю страну,
и воздух, и вод глубину.
И черные птицы вскружили,
и сделались братья чужими.
Дан каждому цвет навсегда,
как пропасть – навечно беда.
Сближенья цветов невозможны...
Оставил нелепый художник
взамен многоцветности всей
две краски в палитре своей.

* * *

На Ходынском поле был первый московский аэропорт.

Деда в святцы никто не вписал:
ни героем он не был, ни мучеником,
Лишь над гробом всплакнул комиссар,
бывший слесарь над бывшим поручиком.
Заурядно скосил его тиф,
чем известен был год девятнадцатый,
а скорбел ли родной коллектив —
точной нету о том информации...
Два-три фото, поблекшая старь —
до чего уже годы неблизкие!
Он сидит, неприметный “технар”,
а вокруг него асы ходыньские.
Его в сторону не увело,
когда рушилось все и шаталось.
Он страну поднимал на крыло,
когда только летать та пыталась.
Он работал, свой дух не губя
степеней достиженьем известных.
Самодержцы держали себя,
а Россия держалась на честных.
Смена лет, смена вер, смена вех,
но живут они и остаются.
Дед порядочный был человек,
а за то ордена не даются.

* * *

Есть кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
Растет нерусская там трава,
и на могилы из суеты
нерусские приносят цветы.
Под вечер нерусская тишина
нисходит на русские имена
всех тех, кого уложила судьба
на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.
В могилах, ветхих, как праотцы,
лежат изгой и беглецы.
Одних не приняли — и беги.
Других не приняли — во враги.
Забыла про Сент-Женевьев-де-Буа
Россия, жестокая, как вдова,
которая не прощает измен
и отвечает забвеньем взамен.
И будь всемирно ты знаменит,
а все ж тебе не положен гранит.
На кладбище Сент-Женевьев-де-Буа
у всех одинаковые права.
Лежат там дружно, как с братом брат,
помещик и сталинский лауреат.
Оттуда изгнан, сюда не зван
Некрасов Виктор и Бунин Иван.

* * *

То было время всех печалей,
смертей, разлук, разрух, седин.
Военный школы курс начальный
я у сержантов проходил.
Горело все, рвалось на части,

сшибали пули с ног меня.
В моих глазах предсмертно гасли
ракеты красного огня.
Я голодал, я надрывался,
меня утюжила беда.
Но я ни в чем не сомневался:
все было ясно мне тогда:
Тому — молиться, это — выжить,
не размышляя о пустом.
И оставалось только выжить,
а все уладится.
Потом.

ВСТРЕЧНЫЙ МАРШ

Какая музыка была!
Какая музыка играла...
А.Межиров

Ах, как играли встречный марш!
Я вам замечу.
И выезжал он, маршал наш
к войскам на встречу.
Войска звенели, как струна,
готовы к брани.
Но началась вдруг война,
некстати крайне.
Наш маршал был слуга Вождю,
отец солдатам,
Сказал: врага я победю!
А дальше матом.
Солдатам что: один удел —
легли, где вышло.
Везде, где маршал проглядел,
а маршал выжил...
Опять играют встречный марш
по красным датам.
И выезжает маршал наш
к другим солдатам.

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ (эскиз)

Тихий вечер.
Дымятся подбитые танки,
на стволах пулеметных дымятся портянки.
Слава мертвым.
Помянем же тех имена,
водкой чьей оделяет живых старшина.
Словно милость Господня достигает нутра.
Тот, кто выжил сегодня,
доживет до утра.

* * *

Бригантина поднимает паруса.
П.Коган

Им всегда будет двадцать.
Им дано и во сне
не к жене прижиматься —
к земле и броне.
Их немногие строки

только стали слышны,
и недолгие сроки
им даны от войны.
За себя нет опаски, —
только, чтобы не срам.
В них недавний испанский
лозунг “но пасаран”. 4
Их отвага и совесть
небывалый редут:
ни фашисты, ни подлость
никогда не пройдут.
Косят их пулеметы,
давят танками их.
Но сильнее этих мертвых
нет на свете живых.
Смотрят прямо и строго
их глаза как с икон...
За тебя, Павел Коган
поднимаю стакан.
За высокую ярость
честно прожитых дней.
За не сдавшийся парус
бригантины твоей.

* * *

Пехота, царица полей,
спаленных и танками стертых,
стоишь ты в державной своей,
сопρευшей до дыр гимнастерке.
Царица, изволь, Расскажи
(ведь разные были моменты!)
о том, как носили пажи
тебе пулеметные ленты.
Как ты отправлялася в бой,
окопным пресытившись “кейфом”,
как следом несли за тобой
обозов тяжелые шлейфы.
Как шла ты на тысячи жерл
в редующих потных колоннах,
смолкал бог войны, поражен,
и доты валились в поклонах.
Как с сонмом чудовищ стальных
стеклянным оружием сражалась,
и как на трудах земляных
нелегкое царство держалось.
И как от превратностей всех,
от пуль, от дождей и от ветра
хранил тебя ратный доспех
в один миллиметр брезента...
Царица, гляди веселей:
земля укрепила тобою.
На тысячи тысяч полей
лежишь ты, почившая в бое. 5
Твой образ нетленен в веках,
и я, становясь на колени,
твоей августейшей шинели
целую шершавый рукав.

⁴ “Не пройдут” — лозунг испанских республиканцев во время гражданской войны 1936 — 39 гг.

⁵ Аналогично “почила в бозе”.

* * *

31 июля 1944 г. военный летчик писатель
Антуан де Сент-Экзюпери не вернулся из
полета.

Земной объявши шар,
печально и легко
плывет его душа
в долинах облаков.
И для его друзей,
и для его врагов —
одна
на всех людей
плывет его любовь.
И пусть разобщены —
одна,
как свет зари.
Он не любил войны,
майор Экзюпери.

МИРНОЕ

Брели дорогой танки, как слоны,
Как хоботы, качались их стволы.
И было дико
робкому коню
глядеть на громающую нежить.
А им хотелось
потную броню
в речную воду окунать и нежить.
И вот, храпя устало и пыля,
они прошли опасные поля,
забились в лес, окалиной запахший,
поерзав в нем, устроились для сна.
Затихли...
Только вздрагивали башни,
когда им снились пушки и война.

* * *

Мы жезлов не носим в ранцах:
надорвешься без таланта.
Нам стараться, не стараться —
оставаться в лейтенантах.
Может, по другим причинам,
а быть может, в обиходе
мы ведем себя не чинно —
вот нас чином и обходят.
Ну, и бог с ним!
Чин — не знамя.
Главное, чтобы с охотой,
главное, чтобы за нами
поднялась в бою пехота
и бежала беззаветно
и “ура” во всю орала...
Лейтенанты незаметны,
побеждают генералы.
Генералы нас мудрее,
генералы делом правят.
Лейтенанты не стареют:
молодыми умирают.

НЕМНОГО О ЦЕЗАРЯХ

Власть в сенате не схвачена,
 легионам не плачено...
 Так куда ж ты прешь дураком?
 Я предчувствую славу.
 Навести переправу
 через, как его там, Рубикон!
 На аркольском мосту
 смерть стоит на посту,
 все живое срезая картечью.
 Ты куда, Бонапарт?
 Может, ты психопат,
 изуродован геным увечьем?
 Пули их не берут,
 путь их долог и крут,
 славит их и клянет человечество.
 Есть на каждого Брут,
 и про каждого врут,
 потому что, действительно, есть с чего.

ЯНУШ КОРЧАК 6

Человечность всегда без жеста,
 если подлинна и чиста.
 Жизнь – не подвиг и смерть – не жертва,
 и Голгофа – не пьедестал.
 И не верю я крест несущим
 и болтающим о кресте,
 как не верят к Христу зовущим
 и живущим не во Христе.
 А распятый на взлобье дота
 ждал ли после земных щедрот?
 Человечность – всегда работа,
 тяжелейшая из работ.
 Возлюбите же, возлюбите
 братьев ваших и ваших сестер,
 но любовью их не корите –
 надо молча всходить на костер.
 Все естественно и непременно:
 вам терзания – им благодать,
 и себя пожалеть – измена,
 а спастись – это, значит, предать...
 Человечество, ты греховно,
 опоганившее свой дом,
 и когда-нибудь перед Верховным,
 ты, наверно, предстанешь судом.
 Оправдаться нельзя – все дико.
 И взошедший на эшафот,
 от карающего вердикта
 доктор Януш тебя спасет.

* * *

За божественным ликом
 в ипостаси земной
 шли мы к цели великой
 шли в колонне одной.

⁶ Известный польский врач и педагог. В 1942 г. уничтожен в концлагере Треблинка вместе с детским домом, который возглавлял. Мог спастись, но остался с детьми.

Не кричавший нам “браво”
 был плохой человек,
 а шаг влево и вправо
 значил явный побег.
 (Отгремела тачанка,
 унеслась в небытие.
 Постепенно овчарка
 заменила ее.)
 Шли мы гордо под стягом,
 не сбиваясь с ноги,
 и за каждым оврагом
 нам казались враги.
 Шли мы бодро и рьяно,
 кандалами звеня,
 но считали мы явно:
 это – наша броня.
 За простертою дланью
 по делам, по телам,
 с нестерпимым желаньем,
 чтобы все – пополам.
 Мы не пили, не ели,
 мы не жили путем:
 доберемся до цели –
 и все будет потом...
 Вдруг возьми и исчезни
 командиры-отцы.
 Встали мы возле бездны,
 разбредясь как слепцы.
 Навести б переправу,
 да вот кто разберет:
 где тут лево, где право,
 где тут зад, где перед.

* * *

Как провожают пароходы.
 (песня)

Август! Девятнадцатое! Боже, что за дата!
П.Беранже

Как провожают президентов?
 Совсем не так, как поезда.
 Под брань различных элементов
 он убывает навсегда.
 В парламенте не рукоплещут
 и почестей не воздают.
 И если даже не клеветают,
 гарантий нет, что не убьют.
 Маразм, маразм. Кругом маразм.
 И много раз сплошной маразм.
 Народ его любил когда-то
 и на руках его носил.
 Но стал он вроде супостата,
 Как только выбился из сил.
 Теперь не слева и не справа,
 а сразу бьют со всех сторон.
 Проходит так земная слава
 от триумфа до похорон.
 Маразм, маразм. Кругом маразм.
 И много раз сплошной маразм.
 Когда стоит альтернатива:
 свобода лучше, чем еда,
 все хочется решить красиво

за полчаса и навсегда.
 А если этого не можешь,
 народ бессильем оскорбя,
 то голову бесславно сложишь,
 и ноги вытрут о тебя.
 Маразм, маразм. Кругом маразм.
 И много раз сплошной маразм.

* * *

Вновь вижу, за жизнью следя,
 отряд ветеранов сплоченных,
 вздымающих лики Вождя
 под сенью знамен кумачовых.
 Глаза их сверкают огнем,
 возносят Вождя без утайки:
 победы гремели при Нем,
 и были закручены гайки.
 А всех демократов – к ногтю,
 добились страну, скоморохи!
 Вновь слышу: спасибо Вождю –
 рефрен незабвенной эпохи.
 Но я благодарнее всех,
 ничтожнейший винтик в машине.
 Спасибо, товарищ Сверхсек,
 что жизни меня не лишили.

К ВОПРОСУ О РОДИНЕ

У кого-то она историческая,
 у меня же она истерическая,
 то к кресту зовет, то к топору...
 И бывает совсем не до смеха.
 Вот бы взять и с отчества съехать,
 да все вещи не собирать...

* * *

Не живем мы, а проживаем,
 мерзко мусоря и вреда.
 Остается не заживаем
 след от трактора и вождя.
 Мы разбрасываем каменья
 с целью что-нибудь размозжить,
 потерявши давно уменье
 не во имя, а просто жить.
 Надо б как-нибудь успокоить
 изверженья командных высот,
 надо б, камни собрав, построить
 дом, которого брань не трясет.
 И друг друга любить ненавязчиво,
 обходясь без великих идей.
 Жить совместно долго и счастливо
 и умереть в один день.

ТРИНАДЦАТЫЙ ПРОКЛЯТЫЙ ВЕК

Суровый Спас с густого златотканья
 пронзительно взирает на меня.
 Не выдашь ли? –
 пытается перед бранью.
 Отец мой, никого не выдам я.

Ни родины, ни чести, ни любимой,
 ни птахи малой, севшей на плечо.
 Под небом окровавленным и дымным
 клянусь тебе душою и мечом
 От стрел не спрячусь за чужую спину,
 не побегу за дрогнувшим вождем.
 Спаси меня от недоверья сына,
 коль я в живых останусь, побежден.

* * *

Земли с Волги до Киева не от пашен черны,
 а под вороном пахарь порубанный,
 и уж кони батыевы у дунайской волны
 скалят зубы на Запад испуганный.
 Смрадно страшная Азия дышит в упор
 стотуменною гибельной силою,
 новый варвар грядет, беспощаден и скор,
 чтоб Европу опять изаттиловать⁷...
 Все ж не сбыться угрозам блуждающих
 звезд,
 не к тому все другие знамения.
 Суждено ей иное.

И конский навоз
 не покроет священных камней ее.
 Ей чума, ей холера, ей папская гнусь,
 ренессанс у костров между битвами...
 Всю монгольскую конницу
 обезножила Русь,
 и сама полегла под копытами.

* * *

Олег ли, что ль, сказал,
 играючи копьём:
 вот победим хазар,
 тогда и заживем.
 С веками, явно стар,
 был лозунг обновлен:
 вот победим татар,
 а там уж заживем!
 Над родиной моей
 звучит сквозь кровь и дым:
 вот победим царей,
 буржуев победим,
 фашистов победим,
 партистов победим,
 расправимся с жульем,
 а там... Но факт один:
 никак не заживем.
 И так выходит вот:
 терпя за боем бой,
 одерживал народ
 победы над собой.

СКОМОРОХИ

Ой ты, царь Иван Васильевич,
 великий государь!
 Ты собаку свою верную – посошком
 Малюту вдарь:

⁷ Слово образовано от имени вождя гуннов Аттилы.

для чего ты поен-кормлен, чего проку
в тебе, псе,
ежли головы крамольные отрублены не все,
ежли кто еще в народе, растуды твою едрит,
не так смотрит, не так ходит, не те речи
говорит!
Многи рты смердят хулою, аль
закроются они,
ежли живо племя злое – скоморохи
да шпыни,
что ехидствуют, лукавят, со нечистой силой
в лад,
меня, Грозного, не славят, на пирах
не веселят!..
Ой ты царь Иван Васильевич, ты не бей
слугу свою:
ты со всей державной силою не сможешь
ничего.
И Казань те покорила, и народы –
несть числа,
и бояре, поубавлены, у ножек, что зола.
Мы ж людишки недостойные, шатуны,
говоруны,
для нас дыбы приготовлены, топоры
наострены.
Мы как птицы поднебесные – нам не сеять,
не пахать.
Нам без чести лицедействовать,
без причастья подыхать.
Мы постимся в мясоеды, а скоромимся
в посты,
мы богаты всеми бедами, а карманами
пусты.
Легку смерть пошли нам, боже,
но под скипетром твоим,
хоть и кривы наши рожи, мы душою
не кривим.
Нас пирами не заманишь, шубами
не улестишь,
наше слово не поймашь, топором
не воспретишь.
Смех и правда не бояться государевой грозы.
Сгинешь ты, твои псоглавцы,
жив останется язык!

* * *

Это что ж за организм:
непрерывно он страдает,
то без алкоголя скис,
то от водки пропадает.
Это что же за страна:
От всего она страдает.
От насилия больна,
от свободы пропадает.
Можно бы глаза смежить
и дожидаться Пиночета⁸.
Можно вообще не жить,
только хочется зачем-то.

АВВАКУМ

Комментарий:

... *“Он же рыкнул яко дивий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разблокиши по той же спине семьдесят два удара кнутом”.*
... *“Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули”*...
... *“И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех”*...
... *“На меня, бедная, пеняет, говоря: долго ли муки, сея, протопоп, будет? И я говорю: Марковна, до самыя смерти!”*
... *“Я не боюсь никою, одново боюсь Христа”.*
... *“И повеле царь священномученика и многострадального Аввакума протопопа... в срубе сжечь... “Сице аз, Протопоп Аввакум верую, сице аз проповедую, с сим живу и умираю”.*
“Житие Аввакума”

Тому назад годов три ста
спустили сверху директиву:
угодны Богу три перста,
а два перста – его противу.
Дано. А если супротив,
на то решение простое:
не признающий директив
пособник бесов, еретик,
любого жребия достоин.
От батога до колеса
различны убежденья средства...
Упорствуешь – беги в леса,
в костры, в державы по соседству.
И был, конечно, путь иной:
сломись душой, что истомилась,
тогда прибудет век с тобой
царя и патриарха милость.
Ведь их союз непобедим,
похлебка ж стоит первородства.
А, главное, за что бороться?
Что в лоб, что по лбу – толк один.
Что будешь муками велик,
ни легче, ни светлей не станет,
а важно ль, сколькими перстами
Русь осеняет темный лик?..
Но если в яви и во сне
звучит в тебе, как голос свыше:
не вера корчится в огне –
народ, обиженный и нищий.
А вера –
то душа всего.

Не вырвать из живого тела!
И истина с креста глядела,
благословляя крест его.
Что истина? Она слуга
того, кто пребывает в силе...
И пустозерские снега
опасный пламень загасили.
Снега с холодной высоты
тепло живое заместили.
Остался крест.

⁸ Чилийский диктатор.

Кресты...кресты...
 Так пол-России закрестили.
 И если выжила она
 во времена своих злосчастных,
 то не покорством спасена,
 а дерзкой волей несогласных.

14 ОКТЯБРЯ – ПОКРОВ БОГОРОДИЦЫ

Выдь на улицу и возрази
 против тысячи надругательств:
 золотые покровы в грязи,
 и на них наступают не пятясь.
 Деревянная худоба
 до сплошной наготы раздета,
 ветру отдана для забав,
 и дрожит, вспоминая лето.
 Невтерпеж обнаженность души –
 словно прутьями истегали.
 Богородица, поспеши,
 милосердно укрой снегами.
 Что б не видеть, не слышать, не знать:
 откровение бесполезно.
 И тревоги не поднимать
 над прикрытой сугробами бездной.

ПЕТР I

“Не бывало от веку.
 Боже, воля твоя:
 революция сверху,
 по указке царя!
 Царь без просыпу пьян
 иноземным вином.
 Он поставил, смутьян,
 всю державу вверх дном”...
 Неохота России
 подымать грузный зад,
 из привычной трясины
 на сквозняк вылезать.
 Ах, не к бабе, не в сани,
 не на свадебный гон –
 под турецкие сабли
 и шведский огонь.
 Под удары, насмешки,
 из лесов на моря,
 да под окрик: не мешкай!
 торопыги-царя...
 С непривычки намучась,
 так и пуп надорвешь.
 За высокую участь
 больно дорог платеж!
 Укротить государя!
 Да нейдет в укорот:
 уцелевший боярин
 подбородок скребет.
 Гренадеры не струсят,
 остановят стрельцов.
 И фрегаты не спустят
 боевых парусов.
 Что нелепо, что ржаво,

все летит кувырком.
 Иноземье держава
 догоняет рывком.
 И хоть охай, хоть ахай,
 хоть хватайся за крест
 беспощадною палкой
 загоняют в прогресс.
 И ни свату, ни брату
 в этом спуску не даст
 странный сей император,
 трудолюб и фантаст.
 Тороплив, многотруден,
 с перекошенным ртом,
 он антихристом будет
 а Великим – потом.

* * *

Бывые во множестве басурмане силою пра-
 вильного оружия одолены.
 (из реляций суворовских времен)

Россия – щит.

А. Блок

Что ж ты, Азия, занедужила?
 Всяк обидит тебя и обманет,
 силой правильного оружия
 побеждаются басурмане.
 Тамерланы твои унялись,
 легким призраком стал Чингиз,
 затопили тебя времена,
 утонули твои имена.
 Что ж ты, Азия, одичала:
 век 19-ый на дворе.
 Не осилить твоим янычарам
 огневых российских каре.
 Плачь, дремучая, и расплачивайся.
 Землю кони твои не трясут,
 ты отстала давно по качеству,
 а количества не спасут.
 Плачь, расплачивайся, – ты богата
 и за прошлое, и вперед.
 Табунами британских фрегатов
 просвещеннейший запад прет.
 Многократным отмщеньем Батя
 он свое налагает ярмо,
 он твои распинает святыни,
 рабьим делает имя само.
 Где твой щит?

Ты с неволей свыкнешься,
 от неверных приемля срам.
 Скорострельные пушки Виккерса,
 пробивают насквозь Ислам.
 Только, в битвах невыносимых,
 неприятель твой и родня,
 сухопутный дредноут Россия
 прикрывает с фланга тебя.

АУСТЕРЛИЦ, КОНТРАТАКА КАВАЛЕРГАРДОВ

(внутренний монолог)

Сбежал, Романов?

Ну, и к псам!

Мне пыль в твоей не нюхать свите.

Моя кобыла, Александр,

тебя умней и родовитей.

Пропуделял ты всех тузов,

как пьяный игрочишка в полночь!

Однако, драться есть резон...

Прощай, Михайло Ларионыч⁹.

Игра кончается, шабаш,

уж больше ставить не придется.

Так пусть же знает недруг наш:

легко Россия не сдастся.

* * *

Памяти Владислава Листьева

Устрашает тонкость льда

над глубинами воды.

Еще хуже чем беда

ожидание беды.

Можно ль жить, людей любя

и с улыбкой на лице,

чувствуя, как на тебя

кто-то смотрит сквозь прицел?

Власть опасна для творца, —

так зачем приемлешь власть?

Отведешь ли от лица

неизбежную напасть?

Над пробитой головой

не был слышен шелест крыл.

Отлетел, знать, ангел твой,

от удара не прикрыл.

ДЕКАБРИСТЫ

Раболепная челядь
и шпицрутенов свист.

Нетопырь Аракчеев
над Россией навис.

Все суды, пересуды,
горький хмель до зари...

О, дворянские смуты,
темных царств декабри.

И отнюдь не в опале:
имена, ордена!

С жиру бесятся баре —
им какого рожна?

Видно, слишком заелись
с государевых ласк:

зарубежная ересь
их заводит в соблазн.

И в преступных витийствах
забывают они:

для народов российских
все свободы вредны.

Знает лучше, что надо,
что дозволить, что нет,
государь-император,
в надлежащий момент...

Голубая порода,

бунтари, чудачки,

далеки от народа,

эшафоту близки.

Им Сибирь, лихолетье

в казематных тисках,

отделение третье —

голубая тоска.

Против силищи царской

их бравады смешны,

и из стужи декабрьской

им не сделать весны.

Не того они класса,

чтоб погоду сменить,

нет пока еще Маркса,

чтоб им все объяснить.

Может, им отсидеться —

против обуха плетть.

Может, им оглядеться

и себя пожалеть.

Это дело — не фронда,

не в игрушки играть.

Это — встать перед фронтом

и пощечину дать.

Закричать во весь голос:

гренадеры, в ружье!

И в атаку на подлость,

на тупое житье.

Это как еще страшно

выйти в дело таком

не на ваших — на наших,

на своих со штыком.

На родное, святое,

(не вернуться ль назад?)

На такие устои,

что колени дрожат...

Ты удивишься, Россия.

Что же делать с собой,

если больше не в силах

выносить твою боль?

Недоверчивым глазом

на мундир не гляди.

Это бьется твой разум

за тебя впереди.

Видишь: лучший из лучших,

подымает, поэт,

против жерл всемогущих

тонкий свой пистолет.

* * *

Что-то чудится мне, что умру
на заплеванном гильзами полу...

И куда ж это нас занесло?

Кто там правит, не справясь с вожжами?

Где дорога, где дом, где тепло,

и в какие пространства въезжаем?

Кто же главный на тройке шальной,

или попросту пущены к черту

белый, рыжий и вороной,

⁹ Кутузов

а пред ними мерцает четвертый?
 Замотался несчастный возок,
 как корабль утративший сушу.
 Так куда ж мы, на чей же зов,
 в непроглядную мглу и стужу?
 Плач и крики, а кони прут
 так, что чудится: погибаем,
 а на козлах сидит Перун
 с окровавленными губами.

* * *

Командую флотом.

Шмидт

Лейтенанты флота российского,
 вы стояли на вахте, насвистывая,
 вспоминали пирушки и баб.
 Но держали курс как положено,
 как ни било и как ни коржило
 неказистый российский корабль.
 Эх, морская служба канальская!
 Далеки вы, “орлы” адмиральские,
 раньше воронам на плечи сесть.
 Сколько миль за кормою – не меряно,
 но еще ничего не потеряно
 коль еще не потеряна честь.
 В бой вода миноносцы и брандеры,
 вы любили удары таранные,
 и за вами Россия жила.
 Вы пути ей торили в торосах,
 на бунтующих броненосцах
 поднимали свои вымпела.
 Шли на дно вы, святые и грешные.
 Сгнили остовы обгоревшие,
 но покуда планета жива,
 пусть истории ходят маятники,
 не потонут вовек ваши памятники –
 ваши земли и острова.
 Как умели вы в лучшем стиле
 перед залпом и оверкилем
 ни намеком не высказать грусть.
 Встать в параде над палубой хлипкой
 и из жизни уйти с улыбкой:
 погибаю, но не сдаюсь.

РОВЕСНИКУ

Были мы гнедыми, были резвыми.
 Стали мы седыми и облезлыми.
 И страдаем разным недержанием
 и стремленьем к удержанью то ж,
 наблюдая как с веселым ржаньем
 нас опережает молодежь.
 От Москвы до самых до окраин
 нас одолевают времена,
 от которых не спасут Израиль
 и заоканская страна.
 Тель-Авив, и горевать не нужно.
 Сломан навсегда наш паровоз.
 Мы подохнем на родной конюшне,
 морды погрузив в родной навоз.

* * *

*Памяти моего родича участника гражданской
 войны летчика Сократа Монастырева, награжде-
 денного тремя орденами Красного Знамени.*

Сопrotивляясь как могла
 преображенью,
 земля к инертности звала,
 всем притяженьем.
 “Фарман” был зыбок и не скор,
 скрипел распоркой,
 чихал зачиненный мотор,
 залит касторкой.
 Земную силу поборов,
 летал над грешной
 красвоенлет Монастырев,
 как ангел вешний.
 Он падал.

Не его вина –
 в матчасти дело.
 И как заклепки
 ордена
 скрепляли тело.
 За то, что падшим не бывал,
 за то, что, выжив,
 он снова крылья надевал,
 стремясь все выше.
 К капризнейшему божеству,
 где ветры пели,
 и покрывали синеву
 цветы шрапнели.
 И авиация дошла
 в боях и жертвах,
 до дельтавидного крыла,
 от “этажерок”.
 И с нею вместе поборов
 и смерть и косность
 красвоенлет Монастырев
 прорвался в космос.

* * *

Наутро меня вызвали в особый наш отдел:
 Отчего ты, сукин сын, сам в танке не сго-
 рел?

(Из фронтового фольклора ВОВ)

И покуда живы будем,
 всех обсудим, всех осудим,
 мысль нехитрую влача:
 всяк пособник палача.
 Не мерзавец ты, но все же:
 отчего пассивно прожил,
 не разбившись о скалу,
 ты – непротивленец злу!
 Хочешь ты или не хочешь,
 ты служил режиму, отче!
 Как режиму я служил?
 Был режим, а я в нем жил.
 А евреи жили в гетто...
 Может, спросим с них за это?
 На Кавказе газават –
 это Герцен виноват.

Слава Богу, в лучшем стиле
 пленных мы своих простили...
 Он ужасен, поворот,
 когда все наоборот.
 Не избегнуть поворота:
 долго у врага народа,
 не признавшего вину,
 находились мы в плену.

* * *

Памяти курсантов артиллерийского и пехотного училищ
 Подольска.
 Генерал И. Стрельбицкий: “Мне пришлось повоевать.
 Четыре войны. В последней узнал все: попадал в окру-
 жения и выходил из них, отступал, наступал, участвовал
 в битвах, равных которым не было в истории человече-
 ства... Но когда меня спрашивают, что запомнилось
 больше всего, отвечаю не колеблясь: те несколько ок-
 тябрьских дней, когда горстка юношей остановила рвав-
 шихся к Москве части немецкого 57-го моторизованного
 корпуса”.

“12 дней одного года”

Zwei officerschule Podolsk¹⁰
 (Надпись на карте Гитлера.
 Октябрь 1941 г.)

Им 18 только минуло,
 когда мужчины чуть видны,
 а их с размаху время кинуло
 на роковой рубеж войны,
 где, отступая перелесками,
 на-нет истаяли войска.
 И лишь плечами полудетскими
 прикрыта близкая Москва.
 Для яростных моторов танковых
 от силы три часа езды.
 А эти мальчишки, что толку в них,
 они ль прикроют от беды?
 С пушчонкою учебной вздорною
 под “юнкерсы” средь бела дня?
 Но день за днем у дотов взорванных
 горит немецкая броня.
 Ей не хрустеть костями нашими –
 ее сломили в злом году
 те мальчишки.

Они не спрашивали:
 а стоит ли и что дадут.
 Они на танки с трехлинейками
 катились шквалами атак.
 Они не хныкали, не некали,
 а только так и только так...
 Бессильно лягут письма мамины
 на дымный траур октября.
 Им не прийти сдавать экзамены
 на два заветных “кубаря”.
 Их жизни, краткой как свидание,
 война поставила предел
 и утвердила в высшем звании,
 какое есть лишь
 у людей.

* * *

Иди в морскую пехоту, – и ты увидишь весь мир!
 (из рекламного плаката армии США)

Идите в морскую пехоту,
 пехоту зеленой волны.
 Покуда не взяли в работу,
 по трюмам досматривать сны.
 Там снятся девчонки и мамы,
 недавнее ваше житье...
 Но в дрему блаженную прямо
 ударит команда: в ружье!
 И вот вам роскошные пальмы,
 шикарнее просто нельзя!
 Подернуты дымкой напалма
 лагун голубые глаза.
 В страну попугаев и тигров
 сейчас вам дадут адресок:
 под музыку главных калибров
 с прибором залезть на песок.
 Смелее, морская пехота,
 пехота зеленой волны,
 награды все ваши без счета,
 все женщины в вас влюблены!
 А если не все доползете,
 так что ж, земноводная рать,
 положено всякой пехоте
 на твердой земле умирать.

* * *

Кто, когда меня учил
 под огнем не пригибаться,
 словно где-нибудь под двадцать
 чин за доблесть получил?
 Под каким Бородиным
 вел солдат, тая мурашки,
 в свежестиранной рубашке
 под проклятием стальным?
 Иль в сражениях иных
 приобрел упрямства опыт,
 лез на стены Перекопа,
 тыча маузером в них?
 Из-под Вязьмы, как отец,
 многократно окруженный,
 шел к Москве землей сожженной,
 не поверив, что конец?
 Кто учил меня, когда,
 под огнем не пригибаться?
 Далеко уже за двадцать,
 дети, должность – вот беда...
 Не сезон и не резон
 нарываться на рожон.
 Кто велит, в конце концов,
 портить жизнь, хранить лицо?
 Вид его предмет ли грусти?
 Кто толкает: будь смелей?
 Отчего же, дуралей,
 забираешься на бруствер,
 где, отыскивая лоб,
 пули ходят косяками?
 Кто-то потными руками
 тянет за ноги в окоп.

¹⁰Две офицерские школы Подольска.

Ты куда, презревши факты!
 гаркнет ворон: ну, дурак ты!
 Нагулял я аппетит.
 И на темя мне слетит.

* * *

Когда не клонят сумерки ко сну,
 и набухают веки воспаленно,
 я ухожу смотреть на тишину
 к подножьям обнажающихся кленов.
 Там кто-то бродит листьями гремя.
 Деревья что: они шкафы и метлы,
 и каждый ствол коряв и безымян...
 А я иду как меж рядами мертвых,
 которые держались до конца,
 которые уже не имеют сраму,
 и от ненастий не закрыв лица,
 уходят в зиму медленно и прямо.
 А к ней уже дорога недолга:
 хрустят стеклянно лужицы под вечер.
 И вскоре как забвения снега
 падут деревьям на худые плечи.

О РОЛИ ПАЛКИ В ИСТОРИИ

Он начался, человек,
 не хотел быть тварью жалкой,
 в миг, когда по голове
 ближнего ударил палкой.
 И повлек его прогресс,
 начала расти смекалка.
 Хвост ненадобный исчез,
 но в руках осталась палка.
 Всесторонний инструмент:
 жезл, рычаг, копьё, дубина,
 посох, скипетр. Счету нет,
 скольких стрелами било.
 Проходили времена,
 но она была бессменна.
 Эффективна и стройна,
 то шпицрутен, то антенна.
 Вверх звала, как божий перст,
 прямою ободряла.
 Без нее молчал оркестр.
 ничего бы не играло.
 Сколько раз в союзе с ней
 укрощался люд, неистов.
 В силу жесткости своей
 не терпела компромиссов.
 Велики ее дела,
 разве что-нибудь сравнится!
 В бой людей она вела,
 оснащенная тряпицей.
 Оттолкнувшийся шестом,
 человек взлетел как птица.
 А теперь проблема в том,
 как без палки приземлиться.

* * *

Устал я от пустого бдения,
 от нерешенного вопроса.

И ночью было мне видение,
 а, может, сновиденье просто.
 Я на престоле был сияющим,
 монументальном и не шатком,
 и ангел был с мечом карающим,
 и рядом херувимы в штатском.
 А ниже, слившись с горизонтами,
 передо мной, судьей предвечным,
 народами, родами, ротами
 стояли толпы человечьи.
 Живые вперемешку с трупами,
 палач живущий – с убиенным.
 Был воздух содрогаем трубами,
 как будто голосом геенны.
 Летали херувимы стаями,
 ни человека не минуя,
 и грешников ошую ставили,
 а праведников – одесную.
 Смотрели правые ликующе,
 угрюмо левые смотрели.
 Был кто-то рядом, мне толкующий,
 что человеки озверели.
 Но я подумал вдруг в смущении,
 что дело явно прокололось.
 Моим все было попушением –
 и геноцид, и редкий волос.
 Я создал Гитлера и Сталина,
 я создал Сатану и Будду.
 Все шло по пьесе, мной поставленной,
 за что ж судить актеров буду?
 Дав слово первому оратору,
 я незаметно воспарился.
 Не стоит быть на сцене автору,
 когда спектакль провалился.

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО – СВОБОДА

Как-то в жизни, в начале, в конце ли,
 мыслью пусть и благой одержимый,
 ты становишься узником цели,
 достижимой ли, недостижимой.
 И тогда все ненужное сгинет.
 Не считая того, что убито,
 ты стремишься к крылатой богине,
 остальные же боги забыты.
 Словно нет над тобой небосвода,
 одному тяготению предан.
 И тогда заменяет свободу
 это горькое слово – победа.

* * *

Когда душа во власти тела,
 чего бы то ни захотело,
 не противляется ему.
 Тогда ты трус или преступник,
 и будет стыд тобой пристукнут
 при погружении во тьму.
 Когда душа владеет телом
 больным, похмельным, ослабелым,
 тогда и в смерти не конец.
 На пытке и на эшафоте
 ты превзойдешь терзанья плоти,

и так отступится ловец.

ЗАКОН ПЕЩЕРЫ

Пожилой троглодит
поучал молодого:
если ближний смердит,
нету в этом худого.
И пойми ты, дурак,
пока в морду не хряснул,
что чужой – всегда враг,
хоть и пахнет прекрасно.
Затверди, идиот,
недоносок ущербный:
все живое живет
по закону пещеры...
Пожилой эрудит
говорил молодому:
щепетильность вредит
в отношеньи к родному.
Бросьте, милый, мятеж,
здравы наши основы,
а любой зарубеж
есть носитель дурного.
У себя ж на дворе
даже язвы священны...
И блестел на ковре
томагавк из пещеры.

* * *

Интеллигенция под ногами,
под подкованными сапогами.
Миллионы плюющих хайл
изрыгающих крик: зиг хайль!
И картавящий заодно
тенорок Ильича: говно!
Совість грешного человечества,
ты прости ему все увечества,
заблуждения и качания,
мысль, что истина в большинстве.
Из-за тупости и отчаянья
оно бьет себя по голове.
Академик Димитрий Сергеевич¹¹
многознатич и разумеич.
Не хочу я в орущую братию,
запишите меня в Вашу партию.
Нет, не чтоб разделять успехи,
знаю, жребий совсем не таков,
чтобы встать рядом с Вами у стенки
под прицелами дураков.

О ПУЛЕ, КОТОРАЯ МЕНЯ УБЬЕТ

Давно готовая к бою,
стремительный конус воздев,
сидит она в тесной обойме
впритирку к чужой беде.
На тусклую жизнь сердиты,
в ожогах от злого огня,
лохматые троглодиты
искали ее для меня.

Кляня свой тесный ошейник,
раб в недрах ее добывал.
Угрюмый седой оружейник
ее для меня отливал.
Не зная, для чьей кончины,
не ведая, что творят,
сверлили ее и точили,
готовили к ней заряд.
И каждый, над ней поработав,
другому передавал.
За ваши труды и заботы,
о люди, спасибо вам!
Так будьте ж благословенны,
а проклят бездельник тот,
который ее не делал,
который меня убьет.

ДЕЗЕРТИР

Я в тыл ушел с передовых траншей.
Еще трясет последней дрожью боя.
Я больше не солдат и не мишень,
а трус, влюбленный в небо голубое.
Самим собой судимый за побег,
лишь расстрелять презрением осталось...
А все ж солдат – он тоже человек
и он имеет право на усталость.
Ведь я вернусь, тоской подкараулен,
по грозной жизни бьющейся земли,
и в бруствер лбом упрусь, и снова пули,
визжа, расчешут волосы мои.

* * *

К земле прибитые огнем,
лежим, растерянны и хмуры.
Врага отчаянно клянем
под зорким глазом амбразуры.
Ты истомился, а в судьбе
не наступает поворота,
и надо б броситься тебе,
а ты все ждешь и ждешь чего-то.
Взываешь к чуду, смотришь вниз,
где все живет горизонтально,
из смысла вычитаешь риск
с благоразумием похвальным...
Так что ж?
остановился бой,
травя сквозь павших прорастает.
Так кто ж?
А это не другой:
не встанешь ты,
никто не встанет.

РОБЕСПЬЕР

Не вздохнуть, не оглянуться
и не сбавить быстрый шаг.
Барабаны революции
немолчуци в ушах.
Революция-любовница,
бог, родители, жена.

¹¹ Лихачев

Не почтенья, не червонцев –
 крови требует она.
 Опочили идеологи,
 не запачкав белых рук.
 Им не надо днями долгими
 гильотины слышать стук.
 Благородное насилием
 насаждать среди людей.
 И глядеть на лица синие
 обезглавленных друзей.
 И не надо им, не надо им
 под проклятия и плач
 разрываться ночью надвое:
 хирург или палач?
 Оступись, запнись в сумятице –
 революция мертва.
 За твоей ее покажется,
 холодея, голова.

* * *

Говорят, что был он гадок
 кое в чем и кое-где,
 но железный был порядок
 повсеместно при Вожде.
 Что ж, хорош ли, нехорош,
 против правды не попрешь.
 Были принципы строги
 внутренней политики:
 часть зачислена в враги,
 остальные – винтики.
 И у всех – одна резьба,
 и у всех – одна судьба.
 Не остаться посередке
 в положении таком:
 коль не нравишься отвертке,
 получаешь молотком.
 Забивали с головой
 в камень, в мерзлоту, в молчанье.
 Если вылезал живой,
 то, как правило, случайно.
 Вот такой был оборот:
 враг народа – сам народ.
 Так что вы уж извините,
 что не устремляюсь в бой:
 перед вами старый винтик
 с напрочь сорванной резьбой.

ОПЯТЬ КAVKAZСКАЯ ВОЙНА

РЕПЛИКА по поводу смерти Александра Бордадыма, журналиста, поэта, коннетабля ордена куртуазных маньеристов, убитого в 92 году на гражданской войне в Абхазии.

Злой чечен ползет на берег,
 точит свой кинжал.

М.Лермонтов

Став на два столетия старше,
 горы отмечают немо:
 кто-то злой ползет как раньше

с РПГ и акаэмом¹²
 Для такой глубокой злости,
 очевидно, есть причины.
 И судьба как прежде в кости
 разыграет жизнь мужчины.
 И фатально слепо выйдет:
 из числа живых убудет,
 нет, не тот, кто ненавидит,
 а другой, что очень любит.
 Пуля-дура, кто ж не знает?
 То ли дело штык и сабля!
 Эта дура залетает
 прямо в сердце Коннетабля...
 Ах, Апсны¹³, твои пределы
 обожал он без изъятья,
 но не терпит Сакартвело¹⁴
 сепаратные объятья...
 В утешение едва ли
 вдруг припомнится примета:
 на Кавказе убивали
 только истинных поэтов.
 Только это странно ныне:
 словно бы в связи с маразмом
 до сих пор не отменили
 наказание Кавказом.

Павел КОРЮГИН

ГОДЕН К СТРОЕВОЙ

На полях покатых – ветер озорной.
 Ждет в военкоматах возраст призывной.
 Каждому повестка вручена, и, значит,
 Мама безутешно временами плачет:
 Провожает сына хоть не на войну,
 Но ему ж впервые охранять страну!
 Взгляды у девчонок налились слезой:
 Увезет любимых эшелон сквозной!

Кончился последний месяц гулевой.

¹² Гранатомет, автомат.

¹³ Самоназвание Абхазии.

¹⁴ Самоназвание Грузии.

Запись в формулярах: “Годен к строевой”.
 Годен к испытаньям, к бешеной метели,
 Годен, чтобы пули над тобою пели.
 По тревоге с койки спрыгнув ошалело,
 Годен быть готовым на любое дело.
 Годен быть готовым ко всему на свете.
 Годен спать ложиться только на рассвете,
 От бессониц лютых скомкав папиросу...
 Годен быть солдатом, нет тебе износу!

На крыльце сегодня собрались ребята,
 Годные к великой участи солдата.
 У военкомата все стоят гадают... —
 Ничего о службе мальчики не знают!
 Я на их томленье весело смотрю,
 “Бросьте вы сомненья! — им я говорю. —
 Не грустить бы надо, парни, в этот час.
 Много еще будет разного у вас:
 Встречи и разлуки, радости побед...
 К солнечному детству поворота нет!”

Впереди дороги так шероховаты!
 Призваны мальчишки, а придут — солдаты.
 На лице свернутся первые морщины,
 По домам вернутся взрослые мужчины.
 ...Каждому украдкой хочется вздохнуть.
 Выйду проводить их: “В добрый путь!”

Катит в эшелонах возраст призывной,
 Каждый из вагона — годен к строевой.

ПОМИНКИ

Как вспоминают меня —
 Этого я не узнаю.
 Л.Губанов, 1977 г.

По небу тучи хмуро плыли,
 Шел дождик, всем мешала склизь.
 Меня сегодня схоронили
 И деловито разошлись.
 Потом почистили ботинки.
 Автобус мчал, дверьми звеня.
 Потом — бедняцкие поминки,
 Где люди помнили меня.
 “Споемте, — молвил кто-то, — нашу!
 Он так любил!” Всех захватив,
 Звучал затмивший горе даже
 Геологический мотив.
 И пели громко и отважно,
 Полны романтикой огня.
 И мне сегодня было важно,
 Что вот, поют и без меня!
 Путь завершив не так ли, так ли,
 Я все же с ними заодно!
 ...Шел дождь. И в гроб сочились капли,
 Мое последнее вино.

У КРЕСТА

Новый путь человечеством начат
 С одобрения казни Христа.
 Неутешная больше не плачет

У залитого кровью креста.
 Все сидит и жалеет, жалеет,
 Все про Сына, которого нет:
 На кресте он недвижно белеет...
 Что без Сына закат и рассвет!
 Больно колет глаза от песчинок,
 За крестом видны пятнышки крыш.
 ...Этот мертвый, распухший мужчина —
 Неужели тот самый малыш,
 Что сосал ее грудь, улыбался,
 Подрастал, нищетою тесним,
 С тупоумными братьями дрался
 За собаку, дружившую с ним?..
 Как ходил он, сомнения сея!
 Как друзей на ночлег приводил!
 Как дразнил мудрецов-фарисеев,
 Как на диспуте их победил!..
 Умер!.. Больше такого не будет...
 Равнодушно смеялись окрест
 Те, по-детски жестокие люди,
 Что его провожали на крест.
 Подбегали, камнями метя,
 Норовили в лицо да в висок,
 И вопил о немедленной смерти
 Из веселой толпы голосок.
 Офицер заорал, словно режут. —
 Вот и кончился Путь, наконец!..
 ...С осужденного сняли одежду,
 Нацепили терновый венец.
 Встал он перед толпою, тщедушный,
 Даже будто прозрачный насквозь,
 Вздрогнул, руки раскинул послушно,
 Подставляя ладони под гвоздь.

Мы живем слишком малые сроки,
 Нас в спокойствии нашем не трожь!
 Как мы, люди, бываем жестоки,
 Если кто-то на нас не похож!
 И осудим, и помнить не станем,
 Ничего, что погибнут зазя! —
 Потому-то в Ухте, в Магадане,
 Как Голгофы, стоят лагеря.
 Мы слова произносим пустые,
 Наши речи ручьями журчат,
 А несчастные девы Марии
 Под крестами бесслезно молчат.
 Они слышат сквозь облако пыли
 Оправданье, что цель-то свята...
 Что Христа, не подумав, казнили...
 Что и не было вовсе Христа...

НАДЕЖДА

*Виктору Карелину, собрату по перу
 и давнему другу*

Если город приполярный
 До изнанки проморожен,
 Если фонари ночные
 Прямо в душу сеют холод, —
 Это ничего не значит!..

Человек, уснуть не в силах,
 До рассвета размышляет

Над заветною тетрадкой.
Он сутулится и курит,
Очень важным занят делом —
Пишет он стихотворенье
О далеких египтянах.

...Люди древнего созвездья
В кораблях-плугах Пространства
Долгий путь преодолели,
Поселились возле Нила.
Здесь посеяли впервые
Привезенную пшеницу.
Здесь они создали храмы,
Чтоб сберечь свои познания.
И когда иссякла Сила,
Что вела их через звезды, —
Всю тоску, печаль и жажду
И восторг пред горней высью
Воплотили в Пирамиды.
Как модели звездолетов,
Треугольные громады
Возносились над пустыней,
Острия нацелив в Небо. —
Это Дух непобедимый
От Земли обратно рвался!
Но теперь для поселенцев
Небо было недоступно...

...Пусть мороз и пусть разруха
Жизнь всемерно омрачают,
Пусть больное государство
Оплатить труды не в силах,
Пусть вокруг со злобой ропщут
Обездоленные люди,
Прямо в воздухе витает
Призрак новых революций, —
Это ничего не значит!...

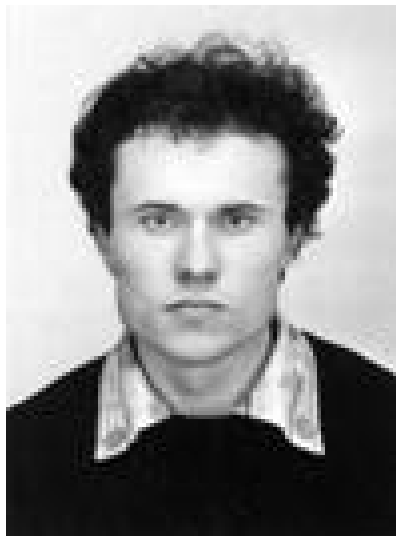
И чудак полуголодный
До рассвета размышляет
О великих Пирамидах
И о тех, кто их построил.
Он пытался взглядеться
В смутно видимые лица.
И утерянная Тайна
Облекается словами:
— Если вечны Пирамиды,
Значит, Дух стремится в Небо,
Значит, есть еще надежда!

ЛИЛИТ

В лиловом озере купалась
Под красным сводом.
Вокруг бездумно волновалась
Толпа народов:
Там были гоблины и феи,
Ракшасов стая.
И мальчик-Бог лежал на ветке,
Лучом играя.
Она плыла, купаясь в Свете,
Одна из века.
И было сто тысячелетий

До человека.

Александр МАКСИМОВ

ВЕСНА

Розовыми улицами сна,
Под холодную капель лобзаний,
В город пробирается весна,
Огибая локти хмурых зданий.

Лентами щебечущих ручьев
Убегает охлажденность будней.
Песен молодое дурачье
Озарит весну и красоту в ней.

Радость энергична и светла
Согревает солнцем ритмы Герца.
Весело звучит: Ух-та, Ух-та!
Гимном доброты в весеннем сердце.

* * *

Благодарю тебя, Россия!
Ты — плодотворная река,
Не раз ужаленная роком,
Ты смело смотришься в века.

Благодарю тебя, Мессия!
За то, что я живой пока.
Меня коснулась ненароком
Твоя священная рука.

И даже мир исколеси я,
И то бы не узнал до срока:
По ком душевно и глубоко
Твои звенят колокола?

КАФЕ, КИНО И НЕМЦЫ

Интересное было кино:
Пили пиво веселые немцы.
И сосисок свинаячье кило
Улыбалось у лиц иноземцев.

Черный китель и в тон галифе,
Сразу веришь – весельно “гестапо”!
Сердцу тесно в уютном кафе –
Пленных русских тянулись этапы.

По экрану проходит парад,
Перед фюрером “хайли” чеканя,
Возбужденные хари сто-крат
Множат “хайли”, что мочи гортаня!

Как же смог наш народ победить?
Голодая... без сна... и патронов?
Если снова беде такой быть –
Мы не вынесем собственных стонов.

* * *

Гуманитарная война.
Дороги в дырках луж.
Погода слякотью больна
И ожиданьем стуж.

Вот чье-то гаркнулось: Ура!
Иль мы, или они?
Глодает жадная дыра
Солдатских душ огни.

И парень, что стоит за нас
Ни в чем не виноват.
Он отомщением воздаст
В славянский газават.

Мы верим, зазвучит: Виват!
Как с тех петровских дней,
Когда гвардейский перемат
Рвал стены крепостей.

Но, как итог военных дел
Наш госпиталь скорбей,
Сердец отчаянных удел,
Твердивших: не робей!

Там через окна тишины
Влетает воздух снов.
Закат. Дела согрешены
Под звон колоколов.

Гуманитарная война,
Дороги в дырках луж.
Страна ожогами больна
Национальных стуж.

Григорий БОТВИННИК

ЗАСНЕЖЕННЫЙ ДЕТДОМ

Замело следы воспоминаний.
Откружилась вьюга за окном.
Через годы огненное пламя
Больше не заглядывает в дом.
Отзвенели весны молодые,
Отгремел вдали военный гром.
Только мы, теперь уже седые,
Ту войну прошли через детдом.
Мчала нас беда из Ленинграда
В эшелоне раненых солдат.
Слово незнакомое – “Блокада”
Прозвучало, как глухой набат.
Навсегда сошла на полустанке,
Не успев со мной проститься мать.
Шла на нас война в гремящем танке,
Чтобы наше детство растоптать.
Далеко, в заснеженной Сибири,
разместился временный приют.
Нас чужие матери любили,
Утешали: “Немцы не придут!”
Приносили письма, телеграммы,
И посылки с фронта, от бойцов.
По ночам нам снились наши мамы,
Были похоронки от отцов.
“Миленькие” – нянечка шептала,
Прижимая к сердцу малыша.
Словно это горе разделяла
Детская и взрослая душа.
Кончилось весною лихолетье.
Мы стоим, игрушки позабыв.
Вы бы знали, как встречали дети,
Как смотрели на своих родных.
Выбегали, словно по тревоге.
“Это обязательно ко мне”.
И часами ждали на дороге,
И тихонько плакали во сне.
Уезжали по домам ребята,
Но не всех умчали поезда.
Кто-то ждал погибшего солдата,
Кто-то мать не встретит никогда.
Замело следы воспоминаний.
Откружилась вьюга за окном,

Но порой сквозь прожитые дали
Вижу я заснеженный детдом.

ПОСЛЕДНИЙ ШКОЛЬНЫЙ БАЛ

В старинной Брестской крепости
Последний школьный бал.
Кружатся пары весело,
Сверкает карнавал.
На свете нет счастливее
И радостнее нас.
Ты станешь молчаливее,
Услышав этот вальс.
Ах, музыка военная,
Оркестр духовой.
И ты еще не пленная,
И я еще живой.
Пылающее небо,
Смертельный перепляс.
Сверкающая небыль
И наш последний вальс.
Сквозь грохот и страдание,
Сквозь музыку войны,
Как будто на свидание
Ко мне приходишь ты.
Свинцом застыла дата
В моем календаре.
Я памятник солдатам,
Погибшим на войне.
Как колокол над Брестом
Который год подряд
Печального оркестра
Мелодии звучат.
Горит огонь свободы,
Труба меня зовет
Под каменные своды
В тот сорок первый год!

* * *

Мой камертон настроен
на весну,
Звучат в душе мелодии
лесные.
И ручеек, похожий
на блесну,
Со мной поет дуэтом
о России.
Меня судьба по-разному
вела,
С пригорка поднимала
на вершину,
То горькой ягодой
по осени цвела,
То радовала сладкою
малиной.
Свой талисман я бережно
храню,
В ладони прячу от удара
молний.
И если, дай мне Бог
не уроню,
Я эту песню до конца
исполню.

Владимир АНШУКОВ

ПОД ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

(песня об Ухте)

Затерялись, город, мы с тобою
Где-то под полярною звездой.
Долгою студеною зимою
Ты седой, но все же молодой.

Здесь пересекаются тропинки,
Здесь вас ждет свидание с мечтой...
Легкие пушистые снежинки
Пусть тебя накроют как фатой.

Не нужны сравнения и тесты,
Если речь идет о красоте.
Никаких сомнений, что невесты
Самые красивые в Ухте.

Отражают вечер темно-синий
С трепетными звездами глаза.
На твоих ресницах тает иней,
И бежит прозрачная слеза...

Полыхают фонари свечами –
Это снежный город молодой
Нас с тобой таинственно венчает
Где-то под Полярною звездой.

НАЕМНИК

Рука набита, глаз наметан –
Я тверд, когда на мушке кто-то.
Играть со смертью не боюсь.
Я круче всех – я “дикий гусь”.

Немного жаль того мальчишку,
Он для войны был молод слишком...
Останусь жив, опять напьюсь,
И баксы есть – я “дикий гусь”.

А надо, я сыграть сумею
Борца за правду и идею.

За что на самом деле бьюсь,
Вам не понять – я “дикий гусь”.

Я здесь герой. Потом, быть может,
И эти в душу плюнут тоже...
Прощай, мной преданная Русь,
Ты мне не мать – я “дикий гусь”.

ПЕРВЫЙ МАРАФОН

(Легенда о Филиппидесе)

Победа – опьяняющее слово.
Оно твое, истерзанная рать,
Его до бесконечности готовы
Запекшиеся губы повторять.

О, если бы услышали Афины,
Где женщины измучились в мольбах!
Один гонец отважился в путь длинный
Отправиться на собственных ногах.

И вот уже он, с ветром споря мчится,
Как будто весть сама его несет,
А сердце бьется, словно в клетке птица,
Ручьями по мошам струится пот.

Зачем спешить? Узнают чуть попозже,
Душа, вперед так сильно не зови!
Но он уже замедлить бег не может,
Большая радость допингом в крови.

И вот его измученного, в пене
Встречает изумленная толпа.
“Мы победили”, – выдавил с хрипеньем
И, бездыханный, замертво упал.

Владимир БОГДАНОВ

Помню: наши отступали.
Впереди был Сталинград.
Помню лязг и скрежет стали –

Танки шли – стволы назад.

Я считал их четко, громко.
(Я уже умел считать).
Вдруг услышал рядом окрик:
“Не считать, едрена-мать!”

Оглянулся – и с обидой:
“Что так?” – дядю я спросил.
Но он был таким сердитым,
Даже пальцем пригрозил.

Затемно вернулся в хату,
Что едва вмещала всех,
Там угрюмые солдаты
Собирались на ночлег.

И тот дядя нехороший
Тут же был среди солдат.
Он мне волосы взьерошил
И дал сахар рафинад.

Я заснул не без усилий,
В потом пахнущем тепле.
Не было меня счастливей
На воюющей земле.

И приснился сон мне сладкий:
Был ликующий народ,
И что шли обратно танки,
И все – пушками вперед.

ДЕРЕВНЯ 43-й ГОД

Люсе

Из примет особых,
Что пронесла моя судьба,
Из тех далеких лет суровых
Припоминается изба,
Вся потонувшая в сугробах.

В избе тепло.
Темны углы,
Гудят дрова в печи устало.
Хвоей натертые полы
В косых лучах от самовара.

А где-то
Страшная война
Все ближе, ближе подступает.
И мать у низкого окна
Лучину ножиком щепает.

БЕРЕСКЛЕТ

Неприхотливый сын природы
Лесной кустарник бересклет.
Напомнил вдруг о недороде
Послевоенных первых лет,
Что мать моя справлялась где-то
Или узнала от подруг,
Что в лыке корня бересклета

Есть очень ценный каучук.

Ее колхозная “зарплата” –

Лишь трудовни...

И я весной

Ходил с сестрой и старшим братом

На скудный промысел лесной.

Мы шли в дубняк,

Мы в дебри лезли,

Там жег полегче солнца луч.

И как мы радовались, если

Был корень сочен и дергуч.

Но попался и задирист:

Он руки рвал и сердце мне.

Рубаха, сшитая на вырост,

От пота тлела на спине.

С корней мы лыко обдирали,

Дышащих влагой поутру,

А в полдень полог расстилали –

Кору сушили на ветру.

И старший брат,

Еще мальчишка,

Прилежно лыко ворошил,

Что пригодится на покрышки

Для самолетов и машин.

Но постепенно гасло лето...

И за мешок сухой коры

Мы получали горсть монеток

Той дореформенной поры.

И наши грезы были сладки,

И я ту радость не забыл,

Что мы могли купить тетрадки

И химтаблетки для чернил.

О, детских лет

И боль, и грезы!..

Не бересклет был их виной,

Не этот промысел –

Суть слезы

Страны, разграбленной войной.

И мне не здесь искать ответа.

...В плену зеленой красоты

Лежу в прохладе бересклета

И трогаю его листья.

И чую:

Той щемящей болью

Жжет сердце памяти огонь,

Как детства первые мозоли

Кровоточащую ладонь.

Геннадий ИВАНОВ

ВЫБОР

Замрем на мгновенье,

чтоб время услышать смогли,

Уйдем от крушений,

от пагубных разрушений.

Незримые крылья

у нас за спиной проросли,

Мы стали смелее

в принятии важных решений.

И сделали выбор –

идти за одним вожаком,

Он, книгу истории

нашей листая,

Уверенным должен быть

только в одном,

Что следом летит

вся могучая стая.

Ведь это непросто,

чтоб крест на себя возложить,

Не маг человек, не чародей,

не волшебник,

Он не для себя,

для других обязуется жить

По новым законам,

еще не вошедшим в учебник.

К моменту такому

мы трудной дорогою шли,

И у Всевышнего

блага себе не просили,

Руками своими

лепили частицу Земли

С созвучным сердцам нашим

словом Россия.

А кто-нибудь скажет иное,

что это слова,

И нет в них реальной

и творческой силы,

А все же свершается –

снова Россия жива!

Единая и неделимая

наша Россия!

Николай ЖУКОВ

В ПАМЯТИ ДОБРОЙ ВСЕГДА

Ах, бедовые наши девчонки,
 Вы повенчаны были с войной.
 Из чужой из далекой сторонки
 Не всегда возвращались домой.
 Ах, девчонки, девчонки, девчонки,
 Добровольно вы шли в медсанбат.
 Дорогие подруги, сестренки,
 Вам поклон от спасенных солдат.
 Ах, вы милые наши девчонки,
 Где былая отвага, задор?
 Обжигают глаза похоронки,
 Что хранятся у вас до сих пор.
 Сколько ваших повязок на ранах,
 Смерть ходила по вашим следам.
 А теперь вы давно ветераны,—
 Узнаем вас по грустным глазам.
 Ах, девчонки, девчонки, девчонки...
 Подвиг ваш не забудет страна.
 Вам бы бросить на плечи дубленки,
 Да кусается нынче цена.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Брату Гавриилу, погибшему под Ленинградом, посвящается

Прошло немало с той беды,
 Но в горькой памяти не стерлись
 Твои последние следы
 И крик: “Вперед!” — застрявший в горле.

В душе истерзанной твоей
 В тот миг исчезли тени страха.
 Ломая лед окопных дней,
 Тогда еще ты не был прахом.

Спокойно принял страшный бой,
 Не зная, что он есть — последний.
 Обняв руками шар земной,
 Погиб на линии передней.

Во мраке сгинула звезда,
 А свет и до сих пор тревожит.
 Остался юным навсегда,
 Лишь взгляд на фото стал построже.

Тоски и грусти где предел?
 Не гаснет в сердце боль утраты.
 Как мало сделать ты успел,
 Зато отважным был солдатом.

Светлана ШИРОКОВА

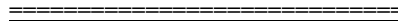

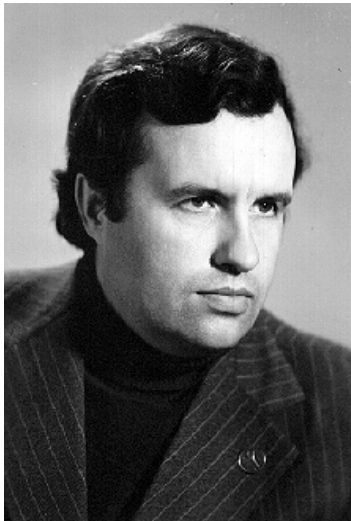
МОЕМУ ГОРОДУ И ЕГО ЛЮДЯМ

Стремлений, мне чуждых, речей —
 Довольно! В разлуке устала.
 И снова я с радостью пала
 В объятия белых ночей.

Пусть часто ненастье смеется
 Над жаждущей лета землей...
 Мой город — действительно мой.
 Мне пишется здесь, мне поется.

И жизнь под ногами не раз
 Раскинет дорог паутины...
 Но, где б ни была, я — Ухтинка.
 И сердце — навечно — у вас!

Валерий ЖУКОВ

ДВОЕ

... Даже вспомнить мы не в силах всех!

Никогда бы он не поверил.

Скажи полгода назад, что Сажин будет зрячим в темноте, лейтенант хохотнул бы на это. А сейчас, ночью, он различал на окраине Магдебурга, кажется, все-все. В сотне метров,

на битумном фоне мертвого неба, — ни звезд, ни прожекторной суетни, ни трассерной строчки, ни уханья разрывов и минных хлопков, ни-че-го! — четко как на безрамной картине высилась массивная врезка двухэтажного особняка. Пониже — не разрушенный, с вензелями на решетках, каменный забор. Выделил Сажин и деревья, ухоженно остриженные в неприродную, по-городскому, прическу, и отчетливую ступенчатую линию дворовых пристроек, и калитку с геральдикой хозяина.

Огней — нигде, никаких. Волнами откуда-то наплыла музыка.

— Глинка! — обрадованно шепнул Шохин, лежавший среди сложенного кирпича. — Хорошо играет, га-ад! И партитура приличная...

Лейтенант хотел пришыкнуть на солдата, но не стал осаживать бывшего учителя. Войне, наконец, поставлена точка, и все, кому повезло, сразу вдруг ощутили, каждый по-своему, ее не мерянный никаким циферблатом жуткий вес. Победа только подчеркнула это, и навалившаяся прятанная правдами-неправдами усталость искала любые отдушины, чтобы раствориться. Немецкий рояль звучал очищающе.

— Дурень! Та яка ж це глина? — шорохнулся зло Петренко, звякнув пустым котелком. — Други сутки тремось и тремось у гимни... Просянки и то нэма як зварити!.. Хочь бы хрицевську млекадалку подиргаты за сисявочки!.. Попыты молочка крынечку, э-эх!

Лейтенант понимал, что и от нездоровой, опасной круговой, тишины всем охота напомнить о своей живости, и что негромкие, не выпускаемые по сторонам, голоса не повлекут за собой беды. Хорошо, хоть не на болотах застряли, обминули торфяники, — на карте он вычитал название деревни как Дорф Шварцфельд, — потерпеть можно. Лишь бы чья-нибудь пультка глупая не кольнула молча, а транзитные, те что с присвистом, пускай лѣтают себе...

Обидно, если не досидим до своих. Ведь воткнули все-таки штык Адольфу — поперхнулся фюрер. Кровушкой захлебнулся! Сколько всяких их пыталось хапнуть Россию, а где они? Лейтенант вспомнил недавний спор в роте, когда Шохин рассказывал о татарском иге. Триста лет володели Русью — три сотни годов! — и исчезли. А куда?

Странно объяснял Шохин, не по-преподавательски, и лейтенант после его слов не мог представить костляво-

го, не ладавшего с одеждой, русого мужика среди детских парт, учеников и тетрадок по русскому языку и литературе. По его мнению выходило: те татары ордовые пропали... в брюхе бабьем. Утроба нашенская переварила их со всеми потрохами, с ятаганами и поджарыми скакунами, с богатыми обозами. Вобрала в себя с российским стоном, проклятиями и приговорами...

Лейтенант тогда продолжил бы неказенную политбеседу, если бы не прорвавшиеся немцы. Танкового батальона “тридцать четверок” у Черного леса уже не оказалось, рота Сажина дрогнула, и послевоенная абсурдная атака заставила победителей отступить. Сажин успел передать по радио о случившейся попытке прорыва, отвести под хлестким перекрестными очередями бойцов на “студебеккерах” в сторону, а сам, отсчитывая фамилии, отойти не сумел. С обеих флангов, как на показательных училищных маневрах, немцы обошли — оставшимся удалось лишь занырнуть в какие-то строения и затаиться. Ситуация дряннейшая: пробиваться на “ура” нечего было и думать, лучше тянуть время и надеяться на помощь. Или еще на что-то.

— Хватит трепаться! — не выдержал Сажин собственного ничегонеделания. Приказывал скорее по долгу, чтобы ничем не обнаружиться. Но если уж быть честным, только не удержался он по праву старшего по званию. Потому что четвертым в вынужденном окружении оказалась Юля — радистка. Сейчас она не выдавала себя абсолютно ничем, а ползти по вонючей, пропахшей навозом фашистской земле, чтобы убедиться в полном наличии личного состава лейтенанту уже не хотелось. Молчит — так молчит. Хотя он бы с удовольствием помолчал рядышком!

Пришла она в роту, как и Сажин, день в день. Шустрая с рацией, но для армии — уж больно стыдлива: от пустяковых словечек то краснеет, то бледнеет, а про “это”, без чего парни и обойтись не могут — лучше уж и не говорить. Ни-ни, ни с кем, ни чуть-чуть! А ведь курносенькая, щекастая, в нутряных глазах и дымка, манящая такая...

Солдаты ее оберегали, и вслух ничего плохого о радистке не звучало. Да ведь молодость “тиграми” и гранатами не остановишь. Сажин, хоть и не тянуч вверх как кедр, не широк по-печорски, а порой застревал тонким стрелковым взглядом на Юлиной фигурке. Издали намотрится, грустно спрячет взглядное под командирскую необходимость все видеть и обо всем знать, — не больше. Иногда, правда, в ровесничье касание, ложил ей на рядовые погоны ладони свои, но и то — под трофейный “Велтмайстер”¹⁵, в доставшийся для всех отдохавших фронтовиков аккордеонный полонез. А так, наедине, не позволил бы и этого...

На маршевом темповом выходе через Польшу сосед справа Эдик Бредун — уже старлей, с Красной Звездой,

¹⁵ Название аккордеона.

хотя пехотные курсы под одну запись в приказе закончили, — пригласил в гости. В позеленевшем от возраста замке офицеры шиковали под сервис ординарцев. Сажин изумленно разглядывал свечи, зеркала, гобеленовые стены с рыцарями, кабанами и птицей, усаживался в массивные, штучного точения и резьбы, кресла с высоченными спинками, осторожно поднимал серебряные кубки с терпкими винами над огромным, покрытым белотканкой, столом, не выпуская тяжелую, червленую готикой вилку: все внушало почтение и было непривычным. Скользили ноги по ковру в нагуталинном хrome сапог, не заканчивалась водка, стыла подукропленная пареная картошка с жирнющей тушенкой, селедкой и салом, билось богемское стекло фужеров о жестяные мятые кружки, странно томили патефонные незнакомые танго и болел затылок от перекуренного дуката.

Подвыпивший Бредун хвастанул: сей иноземный бастион и все вокруг, до следующей фортеции, он на 24 часа хлопцам отдал. Подарил! Пока штабы и основняк подтянутся, пускай ощутят людьми себя. Сладки ли полечки-поляночки, в погребах что коптят здешние и вообще — как тут Европа без нас обходится? А если и тебе, лейтенант, нужна бабочка, счас он распорядится — только фасон сообрази! Насчет суточной ППЖ¹⁶ — пока боезапас есть свой, спальни наверху ждут освободителей, а особист еще в пути. Если что — задержим покомендантски, не дрейфь, Гервасий Сажин! Сексотов знаем, а глаза-уши, разведдозоры — на боевых постах, как учили...

Поддерживаемый подмышки веселым, с кручеными рыжими усами, сержантом и конопушной телефонисткой Ниночкой, блаженно улыбающийся, Сажин приказал проводить себя до “виллиса”. Пышная, в расстегнутой тесной гимнастерке, связистка прижималась к нему и, похихикивая, соглашалась сопроводить приятного командира хоть до самого Ла-Манша, но только чтоб к ужину быть на службе. Сажин лыбился широко и громко, вбирая печное тепло Ниночки, но упрямо мостил себя в открытую второфронтговскую кабину.

Проспавшись, он пытался разобраться в деталях вечера и ночи, но кроме грубоватой откровенности и общей сытости никаких волнующих впечатлений выделить не смог. Нет-нет, было что-то: он кожей лица вспомнил огромную холодную подушку, смешливый колокольчатый говорок, жарко глядящие руки с цветными ноготками, но Сажину почему-то не хватало свежего воздуха, и он стволом ТТ разбил оконную мозаику, высунулся наружу и счастливо вздохнул.

Неужели?

Ему стало неловко, зябко от этого признания. Застонала душа, и лейтенанта бросило в пот. Как же теперь смотреть в черничные глаза своей невесты, когда доберется до Ухты? Она же ждет его в рабочем поселке, за речкой, и знает, что он уже не воюет. Значит, вернется.

...Эту зябкость Сажин ощутил и сейчас, но быстро совладел с мешающим состоянием. Черт возьми, когда же подойдут наши? Захотелось вымыться хотя бы холодной водой, и он представил лежавший в вещмешке кусок земляничного мыла с загадочной маркой ТЖ. Рядышком, укутанный в новенькую байку портянок, должен быть флакон тройного одеколona — у-ух! Ну, и аромат!.. Нет, неземной запах был, кажется, там, в верхней комнате замка...

И не позвонить, и не узнать хотя бы фамилию. А собственно, какая разница? И нечего казнить, товарищ лейтенант! В этой мясорубке святое дело творили девчата, но все равно не в силах никому удержать отношения ровными для всех. И не раз бывало — Сажин слышал об этом, — когда санинструктор, ходившая в бой с солдатами, приползшая за ними, вытащившая почти с того света не одного из мужиков, вечером обессиленно засыпала в землянке с одного края нар, а утром выскакивала у стены, скидывая с себя чьи-то выдохшиеся руки.

После замка Сажин выстроил роту и, поставив очередную задачу, добавил хмуро:

— Кто напоганит по женской части с местным населением... или здесь, демобилизую под ноль. Без суда! Ясно?

Солдаты разошлись молча.

Сажин опасался за Юлю.

Теперь она — в нескольких метрах. Одна. Что и как произойдет — никто не знает. Лишь бы не погибнуть! С этой мыслью лейтенант забылся.

Обстрел начался перед рассветом, в сыром тумане. Может, и сосед подключился — кто даст знать? Огонь подбирался близко. Мины разрывались у забора, а вскоре и совсем рядом. Потом — накрыло всех. Когда едкий кислый дым рассеялся, лейтенант по собачьему стряхнул с себя землю, пошевелил тело. Вроде не зацепило.

Осмотрелся, позвал.

Бегучими прыжками проверил: Шохина и Петренко убило на месте, а Юля лежит навзничь. Голова запрокинута, без пилотки, но не шевелится. Дышит прерывисто, слабеет — но жива.

Осторожно подергал за разорванный рукав.

Юля застонала, пошевелила ногой.

— Куда попало-то?

Дрожащими, в подтеках, ладонями девушка неуверенно поводила по себе.

— Вот здесь... кажется, осколком. О-о, больно!

¹⁶ Походно-полевая жена.

Сажин придвинулся к краю воронки, огляделся. Подобрал ПППШ с расколотым прикладом. Вернулся.

– Пока непонятно. Надо высидеть. Самое близкое укрытие – сарай. Там перевяжу. Ползти можешь?

Она болезненно перевернулась на живот, замерла. Машинально оправив синюю диагональную юбчонку, поползла куда-то бочком. Лейтенант, рывком стянув в руку по два автомата и вещмешка, двинулся следом.

В сарае пахло травой.

Юля забилась в угол, стонала.

Сажин положил ПППШ стволами на выход, отодвинул в сторону вещмешки. Поврежденная радиостанция отозвалась металлическими стуками – со связью хоть ясно! Неизвестность опять, но только теперь уже покороче – только в пуле ответ.

Пересчитал патроны в пистолете.

Достал перевязочные пакеты.

– Ну давай! – Став на колени, уверенно взялся снимать гимнастерку. Девушка сразу сжалась, испуганно оттолкнула.

– Ты чего? – не дошло до него. – Рану надо обработать, забинтую.

– Нет, не надо! – со стоном сопротивлялась она.

– Ты это что?.. А ну раздеваться! – приказал, не понимая, лейтенант.

– Нет! Я.. сама... Тебе нельзя... Уйди отсюда! Слышишь, Герочка, уйди... уйди скорее, – она закрывалась растопыренными, в крови, ладонями.

Сажин ошалело смотрел на нее, не зная как поступить.

– Да ты что?.. Куда уйти – к дойчам?

Внезапно она затихла. Глаза ее остыли, прояснились, почти исчезла дымка. Боль спряталась на мгновение.

– Прости, но не смотри! – В отчаянии безысходности она мотала головой. Кудряшки слипшихся в земле и травинках волос рассыпались. – Нельзя видеть меня... такой, нельзя, Гера!

Задохнувшись, она замерла, не отрываясь странно потемневшим, горячим взглядом от его лица. – Неужели это все?.. Я умру, да?.. Но ведь... ведь люблю я, Гера!.. Товарищ лейтенант, не смотри... пожалуйста!.. Пока нельзя...

Явственно донеслось урчание немецких мотоциклов, и Сажин вдруг впервые ощутил себя по-иному. Да, он командир роты, лейтенант, но перед ним – не солдаты, а маленькая, ослабевшая, как ребенок, девушка, и никто кроме него не спасет ее. Никто!.. А что любит она его такого – так это и должно быть. В страхе и холоде, среди смерти и надежд она прошла отмерянное рядом – куда уж вернее?

Сажин, оставаясь на коленях, прижался к ее запястному кирзачам, гладил сапоги и говорил, говорил что-то. Тихо, успокаивающе, непрерывно. И она не противилась уже, глядела нагретым доверчивым взглядом, и протягивала по очереди, покорно, руки, пока он, остерегаясь причинить ей боль, и не догадавшись разрезать ткань, снимал вымазанную кровью и землю гимнастерку, потом ушитую солдатскую рубашку, потом маленький, несерьезный лифчик на пуговичках.

Он оцепенел, когда забелело ее обнажившееся тело, и, стиснув зубы, сдавил до болезненного потрескивания в черепе, увидев худенькие, не набравшиеся еще жизни грудочки – как грушки-дички, – затрепетавшие неожиданно, и не отпускающие от себя. Юля безотрывно смотрела ему прямо в серые глаза, и он то волнуясь, то совершенно спокойно приложил под её взглядом к ране подушечки, забинтовал через плечи, медленно и бережно одел снова в форму.

В тот же день Сажин и радистка пробрались к придорожным деревьям, долго отлеживались в можжевельных кустах, разбираясь в авторах огня и направлениях боя. Не дойдя до своих, они наткнулись на брошенную в леске почти целую штабную машину и, обнявшись, уснули под сырым брезентом кузова.

Снаряда они не слышали...

08 И ВОСЬМОЕ МАРТА.

Служили в полку десятка полтора девчат – прибористки, оружейницы, мотористки. Все работали на земле, только одна летала – Вера Лебедева. Летала со старшиной Митюхиным, чему тот не так уж и радовался. Разве девичья доблесть, хоть и с приличным пулеметом в руках, может быть надежным щитом от фашистских стервятников?! Дай бог, чтоб братки-ястребки прикрыли, если что... – надеялся он скорее на них да на себя. Но среди полковых ефрейтора Лебедеву все же похваливал: за осмотрительность в воздухе, за экономный, но добрый, от души огонь.

Зарулил как-то Митюхин свой ИЛ-2 на стоянку. После нескольких заходов на топливные склады возле железнодорожной станции, после того как окажешься целым и даже невредимым, доведя штурмовик на аэродром, когда перетрудившийся двигатель и то глохнет, словно не осталось ни силушки, приятно посидеть в кабине. Просто сдвинуть назад фонарь и помолчать: все – это счастье!

Митюхин откинул с плеч лямки парашюта, облегченно стянул с вспотевшей головы шлемофон. Слышно как впереди, под моторными капотами, потрескивает окалина. На левом крыле, проверяя что-то в лючке, присела Вера. Небольшая, худенькая, в сером подогнанном по-женски комбинезончике, она показалась Митюхину залетной пташкой, отдыхающей на широкой темно-зеленой плоскости.

Почувствовав взгляд, она обернулась и... замерла. А он будто впервые увидел ее такой – нежную, незащищенную, совсем невзрослую. Вдруг захотелось снять девчонку с крыла, спрятать, укрыть, сберечь... Но вырвались будничные слова:

– Матчасть как, нормально?

– Бензобаки? – удивилась она. – Так точно, нормально, товарищ старшина!

Митюхин расстроено, невидяще, оглядел приборную доску. Какой я тебе старшина? Частя шагами, Вера прошла по крылу. Она уловила в его голосе и взгляде то, чего дожидалась, может быть, давным-давно. Сни-

лось ей не одиножды, что и как произойдет это. Случится непременно, лишь бы не сбили...

Она наклонилась в кабину, обхватила шею Митюхина тонкими, отдающими свежим бензином руками. Ни он, ни она не слышали, как подъехал, подгазовывая на сырой траве, топливозаправщик. Из-под поднятого стекла ЗИС-5 донеслось ехидное:

– Крутят, еб... Война, а им хоть бы что!

И завертелась беспроволочная связь. Как и бывает, начали посмеиваться, язвить. Женя Скрипка, лейтенант, рослый и чернобровый – ну в точь парубок из гоголевского Миргорода – остановил старшину на выезде с летного поля:

– Почему субординацию нарушаешь? Поперед начальства если – знаешь что бывает? А я даже не целовался еще!

Митюхин держался достойно! Усмешкой, не больше, отвечал на всякие плосковатые шутки, хотя виделось: нервничал гвардии старшина, за которым около тридцати боевых вылетов и честно заработанный орден Красного Знамени. Когда в полку стало очевидным, что на окраине фронтowego аэродрома бродит настоящая любовь под голубыми петлицами, все взялись – так тоже бывает – ревниво оберегать ее. Отныне ей принадлежали дружелюбие, понимающие грустноватые улыбки и цветы на столе в летной столовой.

Еще большую радость вызвало несовместимое с военным временем и бытом их решение.

– Правильно! – согласился комполка. – Зачем откладывать на потом?

На очередном построении он объявил приказ по личному составу: старшину Митюхина и ефрейтора Лебедеву считать вступившими в законный брак. Не добавил: если останетесь живы... Это и так было понятно всем летавшим на штурмовиках ИЛ-2 в середине войны.

Восьмого марта 43-го года полк привлекли для большой задачи – массированных ударов по резервным скоплениям фашистов. Овраги и рощи, где прятались танки, орудия, минометы, были настигиваны зенитками и прикрывались многослойным заслоном “мессеров”. Тяжкое это дело: преодолеть рой, смертельную стену встречных снарядов. Уйдет на штурмовку девятка ИЛов – возвратятся трое, двое. Иногда – ни один.

Рано утром, когда только-только проснулось бледное солнце, с затуманенного поля ушли на задание группы штурмовиков. В боевом порядке держал свою “ноль восьмерку” и Митюхин – рядом с бортовым номером механик нарисовал бело-желтые ромашки. Сегодня же – Верин день, праздник! А вчера она доверила мужу семейную тайну – скоро их будет трое...

ИЛы вышли на цель, по команде положили бомбы внутрь танкового гнезда. Потом стали в круг и – понеслось: первый выходит из атаки, другой ныряет вниз с залпами эрэсов, за ним – следующий... Этажом повыше эту огнедышащую карусель сопровождают ЯКи. Мельница страшнющая!

Уже почти все кончилось. Ведущий дал команду группе собраться в клин. Митюхин облегченно вздохнул: вроде, порядок! Вытер лоб и тут же опешил от резкого крика в наушниках:

– Пара сверху! МЕ-109!

Разглядев “мессеры”, старшина поторопился затолкнуть самолет в обманное снижение. Густая очередь прошлестела справа.

– Подверни, я достану! – снова закричала жена. Позади спешно застучал ее турельный ШКАС¹⁷.

Митюхин круто развернул штурмовик, потом сманеврировал еще дважды. Привычка управлять под чьим-то прицелом, непрерывно кидая машину из стороны в сторону, не позволяла тратиться на какие-нибудь мысли. Руки-ноги действовали почти инстинктивно, скорее головы. Но сейчас Митюхин представил, как на ремнях, в задней кабине, колотит Веру о клепанные бока самолета, как по грудь видна она нападающим фашистам...

По ИЛу ударило точно огромной кувалдой. И сразу же стих поршневой грохот – двигатель поперхнулся. Что?

– Лебедева, не ранило? – позвал стрелка.

– Нет, командир! – прошептало в уши.

Высоты совсем мало, но надо хоть где-то сесть. Куда? Впереди, чуть вбок, поманил неровный кусок зеленеющего луга. Подальше, справа, – вроде бы деревенька. Митюхин повернул влево.

– Держись! – Не выпуская колес шасси – и не успел бы – старшина приложил проваливающуюся машину на фюзеляж.

Они выскочили из машины, прыгнули на траву. Держась за руки, осмотрелись. От крайних домов к ним бежали немцы. Старшина укрыл жену за туловищем ИЛа, приготовил оба пистолета. Низко, над местом вынужденной посадки, проревели друг за другом штурмовики. За ними, на бредущем отгоня автоматчиков, пронеслись ЯКи.

¹⁷ Название авиационного пулемета.

Митюхин отстреливался, неторопливо, чтобы пасть наверняка. Ясно, фрицы хотят взять живьем, поэтому пока не убивают.

– Стреляй! – звонко и нервно требовала Вера. – Почему не стреляешь?

Муж молча вытащил из ТТ обойму. Вздыхнул: только два патрона. Для нее да себе – как не понять! Произнести не сумел, лишь провел горячей ладонью по мокрым щекам жены.

Над ними снова взревели моторы. Поднимая земляную пыль, ЯКи ободрающе покачивали крыльями, выходя из низкого пикирования. Митюхин заметил, как недалеко покатился ИЛюха. Пробежал вперевалку, кратко ударив из крыльевых пушек, развернулся. Не

сбрасывая оборотов, лейтенант Скрипка высунулся по пояс, замахал призывно.

Митюхин втиснулся в кабину стрелка стоя. ИЛ разогнался невыносимо долго. Нехотя оторвавшись, медленно стал подбирать под себя высоту...

* * *

До сих пор в семейной шкатулке среди разных памятных вещей хранится пара потускневших патронов. Не стало уже и Веры Александровны, старшего техника службы ГСМ, но бережет их сын, авиационный инженер, как признаки самого высокого чувства матери и отца, которое нельзя убить.

ВАЛЬКА, ВАЛЬКА...

Домой я вернулся удрученным. В рейсе стало “гулять” давление масла в правом двигателе. Вертолет доработывал отведенный ресурс, на многие его слабости экипажи смотрели понимающе – за такой стаж МИ-6 с полсевера грузов на буровые и всякие площадки попере- таскал. Металлический организм порой не выдерживал, допускал ошибки наш брат, но и выручали друг друга немало.

Поглядывая вниз на нескончаемую, не отошедшую от зимней стылости, парму и на нервно вихляющую стрелку прибора, я поймал себя на желании побыстрее возвратиться в Ухту. Мысль разбиться ни разу не страшилась меня, но сейчас почему-то уверенности не было и каждую утомительную минуту покалывало слева от жгущего стремления посадить машину.

Стоянки в аэропорту сплошь заняты безработными тяжеловозами, и только к весне подошла моя очередь подлетнуть. Вроде бы и праздник – радоваться надо. Просиживающий пилот мертвеет, он не живет. На взлете я запел, отвезли груз нормально, а на обратном курсе – пилюля. Хочешь не хочешь, да торопись на земелюшку!

Штурман спросил:

– Как считать, дед: до запасного дотянем?

Дед это я. Недавно у сына, у Вальки, появилась дочурка. Ладная, глазятами поблескивает уютно и хитро, наверное добрая будет. После заздравной горькой, как положено, эскадрильские мужики переименовали меня. В эфире теперь и слышно: “Дед да дед!” Начальство поругивает за нарушение фразеологии радиообмена, да я молчу. Куда денешь годы?

– Устал? – жена поставила ужин.

Я неопределенно пожал плечами. Завтра придется прослушивать пленку бортового самописца, объясняться. Господи, легче дотопать на одном движке, чем разбираться с инспекцией после вынужденной посадки. Что “за” и что “против”, всегда какое-то несовершенство отыщется, а то и промашкой, недостойной профессионала, попрекнут. Да ладно, прорвемся!.. Вот сын стал бескрылый, что делать? Ни друзей, ни дела мужского... Вроде и ходит в отряд, но сам – на базаре. Коробки какие-то, шмотье, пакетики... словно не летун, а вертля заправачная! Спорить бесполезно – сразу в лоб о рыночных отношениях, реформах и вообще о пользе пере...

ну, этой горботрусски дурацкой! Свое время, мол, профукали под лозунги и романтику – нам хоть жить не мешайте. Вы работайте, работайте, а почивать, как всегда, другие будут. Откуда это в нем?

– Включи музыку! – попросил жену.

Есть не хотелось. Обидно за Вальку. И за проживание такое совестно. Куда ни обратишься – везде унизительно. За державу неловко!

“Радио один” передавало “Бюллетень розыска родных”. Прошло столько времени, а люди так и мучаются неизвестностью...

“...ищу Бабчука Валентина Ефимовича, 1932 года рождения. Пропал без вести в 1943 году в поселке Буденновка Сталинской, ныне Донецкой, области”.

Что, что? Это же родина моя. А Бабчук, кто это?.. Неужели Валька? Ведь мы никогда не называли его по имени-отчеству, не слышали так. Не успели.

* * *

Заметили его сразу.

Роста был он нашего, пацаньего, но по тому, как ровно и гордо держался его взгляд, по всему виду новенького, казалось, что это уже парубок. Молодок – то есть. Из тех, кто состоял при полках и эскадронах, и кому, особенно после кинокартины о красных дьяволятах, завидовали не только мы, поселковые. Да и как не возмут завидки?

Перегородив дорогу, мы стояли в выгоревших латанных рубахах, переминаясь босыми ногами и пряча за спины цыпастые руки. Увидев нас, незнакомец распрямил плечи, короткими движениями вдоль ремня расправил диагональную гимнастерку. Мы разглядывали его всего – от блестящих даже под пылью хромом сапог до настоящей комсоставовской фуражки. На груди отсвечивали под голубыми петлицами два значка – парашютиста и ворошиловского стрелка.

Неяркие, цвета степного бессмертника, глаза строго осмотрели и нас. Мы молчали. Ничего не говорил и он.

– Я – Валька, – сказал, наконец, хлопек в военном. Произнес твердо и так, будто мы обязаны были знать его раньше.

Никто ему не ответил.

– Мой отец – военлет. Мама – инструктор в Осоавиахиме. Мы приехали в отпуск к дедушке Остапу Андреевичу.

Тогда, помню, нам не понравилось, что военный хлопец сразу поставил нас в положение вынужденного уважения. Главная улица поселка называлась именем Юмашева, известного полярного героя-летчика, и сколько комсы-шахтарей¹⁸ пошли по призыву на самолет! И мы хоть сейчас ушли бы тоже, но знаем – возраст, рост, ждать надо. Значки на гимнастерке хлопца притягивали нас. Такие даром не дают – это мы понимали.

Встреча запомнилась. И не только потому, что Валька показался нам пришедшим из другой, более настоящей жизни, но и тем, что знакомство закончилось мирно. Чужих мы не жаловали, разговоры с ними частенько не обходились без обычного для нас кулачка. Этот же, новенький, приехал в деду Остапу, а Бабчука, орденосца, в поселке – да что там Буденновка? В Донбассе всем! – уважают. И трогать его гостя, обижать, значит, нельзя.

– Пошли! – уладил ситуацию Ким, наш комэска. Подтянув штаны засунутыми по локоть в карманы руками, мы отступили. Ким резко подбросил маялку, поймал лениво ее на самый кончик босой стопы. Считалось это шиком и никто – ни пухлый Шкварка, ни длинношей Гавря, ни я, и уж тем более щекастая Танька – не мог как Кимка начинать так и выбивать маялкой до трех сотен раз. А еще он имел упрямый характер, слесарил на шахте №3-Бис и был справедливым.

Вечером в палисаднике у Бабчуков ярко желтилась лампочка, играл патефон. Сквозь пахучие кусты сирени мы заглядывали во двор. Валькин отец сидел за столом, в такой же темно-зеленой, перехлестнутой португеей, гимнастерке. Червонно блестелся орден Красного Знамени, в небесных петлицах отсвечивались кубики. Держался он тоже ровно и гордо, пел хорошо и громко нашенские песни про коногона, юзовские штольни и плачущую жену. Дед Остап, празднично одетый в белую косоворотку под пиджаком, подпевал и улыбался, обнимая и сына-летчика, и Валькину мать.

Выглядела она очень радостной и совсем привычной среди всех. Мне даже подумалось, что Валька приврал о ней. Ведь в Осоавиахиме пилоты, спортсмены, а здесь – обыкновенная женщина и на инструктора ничуть не похожа.

Заметив среди листьев наши головы, Валька крикнул:

– Давайте сюда, ребята!

На следующий день мы сами повели его по нашим местам. Показали ставок, заброшенную шахту, паровозное кладбище. В поселке, огороженном со всех сторон темно-серыми, всегда пылящимися терриконами, железнодорожными путями с перетаскиваемыми, покорно стучающимися вагонами с углем да колючими лесопосадками, все это было тайной, в которой мы жили. Дороже дружбы для нас ничего не было, и Кимка, уличный командир, учил защищать Родину.

Вальке все было в удовольствие. В будке машиниста он уверенно двигал рычаги, басил вместо гудка. Шкварка весело удивлялся:

– Прыдумав же чоловік!.. Хочь бы энтог паровоз – двыжыцца думем! А як в цэ повирыты, шо паром? Дуде, дуде – пш-ш, пш-ш...

Валька снисходительно косился на него.

Мы переглядывались: там, где Валька с родителями такими служит, все значительнее. Конечно, аэродром один чего стоит! И Валька, словно подзадоривая нас, рассказывал об устройстве самолета, про ночные прыжки и всякие случаи на полетах. Слова у него были такие, какие нам и не снились.

Набродившись под пеклявым солнцем, мы добрались до штаба, спрятанного среди свалки проржавевших цистерн, переломанных станков, скрученных рельсов и всяких разных железяк, оставшихся, говорят, с гражданской. Ким протянул маялку:

– Сколько выбьешь?

Валька взял кусочек заячьей шерстки, утяжеленный свинчаткой. Подкинул, примериваясь на ладони.

Мы догадались, что Ким проверяет его, наверняка не умеющего ножить по-нашему. Вернее, решил все-таки поставить гостя на место.

Сначала у Вальки ничего не получалось. Маялка не хотела возвращаться к ноге, отлетала вбок. Валька потихоньку злился, но потом, поджав губы, стал набирать разы. Когда Шкварка произнес “три сотни”, мы обступили круговую вспотевшего, кивающего в такт чубатой головой, Вальку и считали хором. Все-таки переброем! На сорок семь разов! Мог, видать, и больше выбить, но нам показалось, что маялку он не поймал нарочно.

– А ничего-о! – почесал затылок Ким и криво усмехнулся. Цыкнув сочно слюной, Шкварка глянул на поверженного комэску.

– Бигим у пэрэтыку!.. Поглянэмо, як вин шукаты будыць!.. Може вин розвиднык гимнастый, га?

И лучшим разведчиком был, естественно, Кимка. Куда только не прятались мы, особенно худой Гавря и юркая Танька! Умоются под корягой, среди тоненьких, изламывающихся стволов вишни-дичка или колкой маслены, но все равно Кимка умудрялся найти.

В густом перелеске мы растворились, умчав в разные стороны. Не успел я успокоиться под тенистым шиповником, как надо мной кто-то оглушительно прошептал:

– Тебя нет!

Я испуганно обернулся. Валькина фигура стремительно исчезала в деревьях.

Собрались мы возле Кима хмурые, растерянные. Шкварка вопросительно оглядел нас, отряхивающихся и поправляющих пояса выпачканных штанов:

– Як зийдэ мясяць, пидэмо купатысь, га?.. Що-о-сь жарко-о, аж у животи зудыць!

В полусонное июньское предутрье, когда тихая, еще не выспавшаяся Буденновка начинала только зевать хлопками калиток, глухим кашлем собирающихся на смену, на окраине курил, сказочно туманясь, ставок. Здесь иногда поклевывала разная мелочь, но чаще попадались всякие предметы, выброшенные за ненадобностью крикастыми горнячками. Когда занырнешь и коснется тебя что-то под водой, жутко холоднёт внутри – хоть ори! Лишь опасение слыть трусом сдерживало нас не выскакивать с криком.

Шкварка как-то загреб руками утопленнику в пальто. Со страху наглотался замусоренной, мутнявой воды. Из крайних домов прибежали люди, вытащили мертвеца

¹⁸ Шахтеры-комсомольцы.

за набухшие тяжеленные рукава. С тех пор в ставке мы не купались.

Тихо стукнула оболонка на веранде деда Остапа. Валька спросонья поживался. Нас, озябших, тоже потряхивало. Воды не было видно. Ставок паровал только разлитым киселем, линии деревьев на берегу тоже дрожали, словно тоже от недосыпания среди влажной теплоты.

— А втоплэныка нияк не найдуть, — громко прозвучал дрожащий шепот Шкварки. — Плава соби, пла-ава...

Ким засмеялся.

— Не бульди! — отвернулся к Вальке: — На том боку могилу найдешь... Свежу!.. Принесешь с нее китайки кусок!

Мы стояли бессловно. Если принесет, значит, будет наш. Над нами. А Кимка?

— Глубоко... на середке? — каким-то не своим голосом спросил Валька.

— Три разы. З ру-учкамы-ы, — невозмутимо показал Шкварка и зачесался, царапая у себя под мышкой. Гавря толкнул сзади. Танька округленно глазела, обхватив плечи обеими руками. Ким промолчал.

Валька расстегнул гимнастерку, снял ремень, сапоги, одежду. Сложил форму на траве и ушел в туман. Всплеска не было. Мы тянули шеи, поворачиваясь то правым, то левым ухом. Ти-ши-на!

Ко мне подошел Ким, к самому младшему:

— С ним чтой произойдет если, бегишь к деду. Внял? Кликнешь его только... А принесет китайку, — тогда Шкварку охолонем!..

— Ва-а-альк! — дважды прокричал он. Даже эха не было. Нам стало не по себе.

— Все!.. утоп! — простонал Гавря, и его вихрастая голова странно присела над телом. Плечи упали.

— Тихо! — осадил его Ким, вслушиваясь в молчащий ставок.

Где-то рядом всплеснулось. Вскоре из тумана появился мокрущий, сжавшийся весь, Валька. Он вытянул правую руку.

— Развяжите! — На запястье двойным узлом была приторочена синяя полоска материи — китайки.

Танька охнула, принялась обтирать “гусиную” кожу Вальки невесть откуда взявшимся полотенцем.

Ким сам подал военную одежду.

...В воскресенье, когда в Буденновке уже кучеряво переключались гармошки, по радио объявили, что началась война. Мы сразу, кажется, стали какими-то другими, и уж почти не играли, а заботились о хлебе и печках, отстаивали в очередях, ходили в контору шахты №3-Бис слушать сообщения Совинформбюро. Кима видели редко. Он уставал на своей работе и, поев, быстро засыпал, так и не договорив с нами.

Валька собрал под свое начало всех поселковых пацанов. Его слушались, как слушаются с уважением за заботу и справедливость. Мы делали все, что он приказывал или чаще просил. И не было на поселке дома, которому, как сумели, не помогли бы.

Немцы появились осенью. Первый покалывающий морозец-недосвит уже прихватывал лужи. Грязная танкетка, фыркающая и покачивая короткой пушкой, раздавила хрусткий ледок на улице Юмашева, сломала крашенный к Первомаю штакетник. Солдаты разбрелись, крича и пугая автоматами.

Мы смотрели на них с веранды деда Остапа. Сжимаемая кулаки, Валька стоял в своей форме, с надетой фуражкой. Ким, почерневший и злой, стянул замасленную, пропахшую углем и металлом, стеганку и набросил на Вальку:

— А то заметят!

Виделись мы с тех пор все реже. С наступлением темноты Буденновка выжидающе замирала. Редкое оконце, да и то накоротко, выдавало себя желтым пятном керосинки или тусклой каплей свечки. Залает где-то собака, резанет очередь “шмайсера”. И снова — та же напряженная, вязкая тишина. Замрет до светания все, до последней дворняжки...

Однажды мы сидели у Бабчуков. Валькина мать, застудившаяся, куталась у печной трубы. Посреди комнаты, за столом, дед Остап ремонтировал настенные часы. Внезапно резко запахнулась дверь, ввалились немцы. Из-за них выглядывал полицай, в усиках и с ломкими бровями, он хватал солдат за серые шинели, визгливо орал:

— Она, она!.. Муж у ней — летчик!.. Берить ее!.. Тут и сынок ейный, соколенок хренов, и дедун!.. Красноюки голосталиновые!.. У-ух, сво-ло-та! В хурдыгу Бабчуков, за решетку!.. Берить их, господа-а!

Растолкав солдат, полицай подбежал к Валькиной матери и сорвал с нее платок. Кофта запахнулась, и женщина вскрикнула, защищаясь прижатými руками. Двое немцев, заломив ее руки в локтях, потащили женщину из комнаты. Валька рванулся вслед, но тут же, сбитый подножкой, рухнул. Грузный фриц, закинув автомат за спину, медленно подошел к нему и трижды, с уханьем, ударил сапогом. Валька закрыл лицо ладонями, кровь закапала между пальцев. Увидев на рукаве гимнастерки звезду, немец опешил. Стал стаскивать “шмайсер”.

Мы бросились к немцу, колотя по мышинной шинели, дергая за оружейный ремень. Очередь Ким отвел вверх, в потолок. Шкварка и Гавря кинулись к Вальке, потянули к двери. Таня испуганно заверещала. Немец упал навзничь через меня. Неожиданно в проходе появилась рыдающая Валькина мама, в разорванном платье. Полицай тот, в усиках, толкнул сбоку ее прикладом, и тут же грохнул выстрел.

Женщина сделала еще один шаг в дом, потянувшись растопыренными пальцами к сыну, и — обмякла, упала ничком.

Мы никогда не видели такого лица у Вальки. Он оцепенело смотрел на неподвижную, сразу замолчавшую, мать и будто ничего не понимал. Зрачки его посеребрились, в них точно сыпанули терриконовой пылюки — не стало видно бессмертников, только лед.

С криком “Шо наробыли вы, каты-ы!?” опрокинул стол дед. С размаху он рубанул шашкой из тусклой дулевины полицая по шее, его брови слились, лицо исчезло. Дед полоснул поперек и заоравшего фрица. Никто из них не успел убежать из дедового дома.

Остап Андреевич принял смерть на следующий день. Страшно было видеть, как два заломленных до самой земли тополя, к которым привязали фашисты за голые ноги дедушку, окровавленного и хрипевшего, подняли Бабчука доверху. Не ведали посаженные им к сыновей жизни деревья, что же сотворили они молодой своей силой...

* * *

Мы ждали весну, а она не приходила. Все холодно, стужно. Кругом под вычерневшим снегом, как огромные забытые по сиротски копны, высились терриконы, а угля не было. И хлеба не было тоже.

Помер Гаврик Зайцев, Гавря.

Через неделю не встал больше и Кимка. Ким Левашов. Вместе с осунувшимся Валькой я и Шкварка ходили по путям, пока не прогонит фрицевский патруль. Собирали рассыпанный антрацит, чтобы поменять на то, что можно съесть. Набрав за пазухи холодных кусков, сразу отходили от полотна.

Издредка появлялся состав в несколько вагонов. Стальные колеса, мы знали, грохочут часто и звонко под обыкновенными вагонами, а под пульмановскими – глухо, тяжело. непривычно резкая, даже ушам больно, стоит после поезда тишина.

Шкварка, обданный паровозным горячим паром и машинными запахами, голодно поводит носом и сердито сопит:

– Шоб нэ доихалы, каты хриц-цовы! – и, поправляя студеныщую живот пазуху с углями, добавляет огорченно: – З камня сыт нэ будэш!.. Кандейку супця бы зьісты... хочь одну-у!

Потом заболел Валька.

Лежал днями в сырой, заолохнувшей комнате. Переменился он сильно: щеки впали и, казалось, вот-вот станут прозрачными. Но в глазах все тот же серо-стальной цвет.

Он обрадовался нашему приходу, вытащил из-под одеяла, протягивая нам, ладони. Костлявые и холодные. Гимнастерка стала великоватой, и Валька поддевал под нее дедов свитер на косоворотку.

– А я придумал, хлопцы, как поезда остановить у Буденновки. – Как-то необычно, с усилием вытягивая звуки, проговорил Валька. – Скоро прогонят фашиста. Будет и тепло, и наедемся... еще и летать будем – батя нас научит!

Мы решили завтра же исполнить его план. Валька достал из-под подушки полкруга макухи.

– Сестра дедушки Остапа принесла, из Мушкетова... Панбархатное платье выменяла... мамино. И Таня там, у нее – я попросил спрятать ее... У них там, оказывается, комендатура сгорела, и листовки клеют... Значит, – не устоит фашист, не-ет! Во как, ребята!

Сил у Вальки было мало. Я видел, как его пальцы удерживали ту макуху.

– Шкварка, ребят позиви... – Ему было и говорить трудно. – Поделимся на всех.

– А ты, – сказал он мне, – кипятка сделай. По кружке чтоб...

Валька лежал, опустив веки и вытянув ладони. Беледая, как у ребенка, голова непокорно выделялась на кровати. Гимнастерка была застегнута, и мы верили, что Валька обязательно поднимется.

* * *

На повороте к шахте №3-Бис мы в предрассветных сумерках разобрали железнодорожную стрелку. В шесть рук еле отвинтили приржавевшие гайки, закопали в разных местах. Когда стали отходить по полотну от шахт-двора, позади взорвалось. Меня ударило в спину, и крикнуть я не успел.

Придя в себя, еле приподнялся на колени. Дворовый забор, террикон, столбы с разбитыми фонарями – все качалось, кружило. В нескольких метрах, беззвучно плача и скалясь окровавленным беззубым ртом, Шкварка собирал среди шпал в разорванный живот все, что вывалилось и кровянилось в вибрирующих руках. Дальше, между рельс, я бездумно различил спину, посеченную и безжизненную. От стрелки, как и положено командиру, Валька отходил последним...

* * *

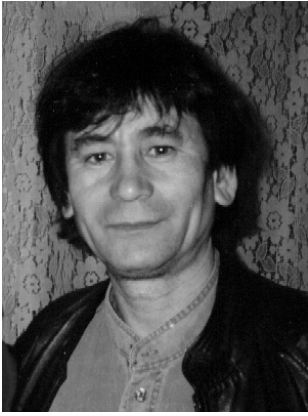
“Радио один” исполняло песни по заявкам. Не знаю почему, но сколько их, этих мелодий и слов, мучительно радуют иной раз! Как легкий пар после ненасытной, потной работы. Подпевая, вернешься на родину, к встречным березкам, к крыльцу, где не был давным-давно, и хочется просить прощения, и нанюхаться весенней акации, и наоскомиться вишней-дичком. И макуха та припомнится, и рыжие, выгоревшие подсолнухи у шахты №3-Бис...

Когда год за годом – оно вроде и не так заметно. Но когда оглянешься разом, выходит, и жизнь позади. Всегда вот так!

Кто же дожидается Вальку до сих пор?

А, Валька мой, Валька?..

Алексей МИЛЬКОВ

КАРАТЕЛЬНАЯ ПСИХИАТРИЯ

Межгалактическая перевалочная база “Троянский конь” затерялась в созвездии Волосы Вероники на одном из многочисленных астероидов, по размерам своим чуть большим, чем Ганимед. Слышны были гулы подлетающих звездолетов, доставлявших людей с Земли. Каждый раз, когда крупный корабль швартовался к астероиду, малую планету порядком встряхивало.

В этот день прибывшая флотилия состояла из пяти новеньких кораблей класса ПСЦ третьего поколения; каждый делал разворот и элегантно, создавая впечатление на встречающую военную публику, ложился в посадочный коридор и производил последний форсаж.

Весь в медалях боевой генерал Колбин ждал гостя, скорее гостью. Он, казалось, в своей торжественности изнемогал под тяжестью мускулов и собственно мундира с наградами. Ему пришла на ум неудачная фраза: “К нам едет ревизор!”. Хотя... Чего скрывать – его совесть чиста...

Открывшийся пейзажик не обрадовал выходящих из корабля с названием “Звезда России” пассажиров. Голые безжизненные скалы бурого цвета топорщились перед глазами. На горизонте тусклый свет далекого светила.

Полковника Русскину Колбин заметил еще изда-лека.

– Ну, как путешествие? – спросил он и галантно поцеловал даме ручку.

Полковник Русскина, физкультуристая стройная женщина с черными волосами из-под берета, как и генерал, была одета в коричневую форму с петлицами медицинских войск, разница была только в юбке. Она засмотрелась на генерала – он точно вырубленный из каменной глыбы. Конфигурация носа весьма комичная: толстый, но не приплюснутый. Здесь не скроешь, как у завязатого драчуна или заслуженного вояки. Еще и красноват, но, как видно, не из-за пристрастия к спиртному, а скорее по причине переломов. Правда, Ломброзо бы высказался точнее: “Низкий лоб, правая мочка уха намного ниже бровей, сильно развитые надбровные дуги – коэффициент интеллекта или как его ещё называют – показатель умственного развития человека на уровне мхов и лишайников”.

– Не особенно утомились, но и особого удовольствия не испытали, – ответила Русскина.

– Предлагаю до причала пройти пешком.

Русскина была только рада осмотреться после полета.

– Наверное, не ожидали, что Россия простирается так далеко – в пределы, а, полковник?

Генерал, увидев гордость у Русскиной на лице, повел ее дальше по стеклянному проходу.

– Что нового в метрополии? – с нетерпением начал он расспросы.

– Все говорят о новых приобретениях земель, о колониях, которых никто в глаза еще не видел. Не успевают заполняться реестровые книги.

– Ваше счастье, вы увидите. Может, приобретете одну-другую планетку?

– Шутка? Я не за этим сюда прилетела. – Деловой тон Русскиной сразу охладил пыл генерала шутить.

– Я почти серьезно, Россия вот-вот станет богаче еще на одну планетную систему.

– А как головная боль? С расширением колониальной кампании на Земле только прибавилось проблем, умноживших умственные расстройства. В этой связи все крайне обеспокоены их нарастающим количеством.

– Как это понимать? – генерал сделал удивленное лицо.

– Как эпидемия, развилась болезнь с мудреным названием – агорафобия, что означает страх перед пустым пространством новых колоний, она пугает население, – грустно прокомментировала Русскина. – Мы встали перед неожиданностью, а наши методы лечения ничем не отличаются от методов еще со времен Фрейда и Юнга.

– Не скажите, – пожурил полковника Колбин. – Вы многого не знаете о наших медицинских достижениях.

– В метрополии муссируется мысль, что появилось ноу-хау и кудесник, в руках которого эта панацея заиграла неограниченными гранями.

– А именно?.. – Колбин задал этот вопрос прямо в лоб, желая прощупать гостью.

Также тихо и таинственно Русскина сказала:

– Почему-то слух просочился про электрошок.

– Надо же! Ну и что? – сделал удивленное лицо Колбин.

– Но электрошок существовал еще во времена оные.

– Вероятно, его продвинули технологически.

– На него давно махнули рукой, как на технически неперспективный.

– Вы отстали от жизни. Забудьте про слово “электрошок”, потому что на авансцену вышел нейрошок.

– Как ни называй, всё тот же электрошок?

– Только нового поколения, основанный на нейро-эффекте.

– Тогда это сделал кто-то не меньше, чем гений, – Русскина внимательно посмотрела на генерала.

– Сегодня можно смело сказать, что есть такие люди, – скромно опустил взгляд Колбин.

– А, генерал, вы не всё договариваете, вам есть что сказать. Уж, не вы ли тот самый кудесник из той велико-

лепной когорты людей, которые в прогрессе пошли далеко вперед?

Генерал не был скромником, но вопрос ему не понравился и он сказал:

– Надо думать о будущем России и новых кадрах. Говорят, вы пышете идеями в карательной психиатрии, как хороший котел паром?

– Мне рассказывали, по регалиям вас не превзойдешь. И за то, что вы сделали для России много полезно, вам надо поставить памятник уже при жизни.

– Ну, что вы говорите? – поскромничал генерал. – А клятву Гиппократу, голубушка, вы уж точно позабыли.

Полковник слово в слово торжественно произнесла:

– В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного...

– Хватит, хватит, верю... – остановил Колбин.

Русскина с интересом смотрела на генерала.

– А вы кого-нибудь из основоположников вспомнить не желаете?

Генерал чуть наморщил лоб.

– Ну, например, приведу высказывание Томаса Сиденхема¹⁹: “Никто не был пользован мною иначе, чем я желал бы, чтобы лечили меня самого...”

– Прекрасные слова! Да, генерал, вопрос, почему база называется “Троянский конь”? – неожиданно спросила Русскина.

“Расскажи всем”. Вопрос, на который не хотелось вдаваться в подробности. Единственный, которого Колбин боялся от докучливых журналистов, был именно этот. Эти шелкоперы не дают нормально работать своей назойливостью и трескотней.

– Хочу задать встречный. – Это была попытка уйти от вопроса.

– Какой?

– Как специалиста, как профессионала, как психиатра, какие мысли вас посещают, глядя на толпу людей?

– Что каждый двадцатый находится, находился или будет находиться в психлечебнице. Только вопрос времени, когда для человека нарисуетя психдиспансер.

– А я думал, что вы будете ближе к истине и скажете: что на каждый очевидный случай ненормальности приходится как минимум десять не диагностированных.

– Quisnam igitur sanus? Кто из нас нормален? – подтвердила Русскина.

– Кажется, так говорил Гораций. – Сделал уважительное лицо генерал.

– Как был прав, этот один из родоначальников психиатрии!

– “Всё в мире бренди”, еще сказал наш поэт, – Колбин блеснул строчкой из стихотворения.

– Хотите сказать, что мир взбрэндил?

– Совершенно верно.

– Знаю, строчка из Мандельштама. Только он сказал не “бренди”, а “бредни”, что по семантике разное, а в принципе в данном случае по смыслу одно и то же.

– Нам сейчас не до уточнений.

– Работа, что дух захватывает?

– Здесь есть свои и плюсы и минусы, – выразил сожаление Колбин.

– Я слышала, что даже минусы вы превратили в плюсы.

– Это наш ЦППП действует.

Искусственный проход, по которому они двигались, представлял пологие песчаные вперемежку с камнями

холмы. Для лучшего усвоения колорита и первого впечатления гостям не удосужились замостить даже участки. Поэтому Русскина осторожно ступала по пустыне. Всего лишь в ширину двести метров серого песка и камня, которые содержали все известные химические элементы. Серый песок заунывно скрипел под ногами.

– Что означает ЦППП? – Русскина снова втянулась в разговор.

– Центр по подготовке и переброске патриотов. А вам что – не говорили?

– Представьте себе, сказали – ознакомление на месте.

– Странно.

– Вот и вы не договариваете, генерал, – Русскина сделала замечание.

– Каков качественный контингент людей из нового привоза, полковник? – перешел к делу генерал. – Нам нужны не просто люди, отбывающие время и заполняющие собой штатные единицы.

– Психи – как психи. Не я их подбирала, не я их рекомендовала.

– Откуда они?

– Отовсюду.

– Все с военной подготовкой?

– Есть военные, есть и гражданские.

– Фальсифицированные психи попадаются?

– Зачем вы это спрашиваете?
– В любом случае они пройдут здесь до реабилитации повторную основательную проверку.

– В чем она заключается?

– Как будто не знаете, вы – специалист высшего класса?

– На лояльность, тряхнете всю подноготную до седьмого колена?

– Не вам это рассказывать, полковник, кто такие психи. Всё сводится к определению порога болевой чувствительности, я уж не говорю о каленых иголках под ногти или в язык для расширения зрачков.

– Опять карательная психиатрия, а я считала, что меня ждет что-то новенькое, интересное.

– Что поделаешь, если специалисты нашего профиля до сих пор требуются.

Генерал Колбин ускорил шаг и не заметил, что забежал вперед. По тому, как он вальяжно и складно это сделал, Русскина залюбовалась человеком весьма представительного вида и внушительного телосложения. Уважения только прибавилось, что такие люди не зря представляют цвет армии. Правда, подумала она, внешность у него обманчива – человека, которого можно испугаться в темном переулке: нос неединожды сломанный и еще оторванное левое ухо.

Что не прошло мимо пронизательного взгляда старого вояки, и сказавшего как ни в чем не бывало:

– Теперь, полковник, вы, как лучший аттестованный для нашего дела психиатр, будете курировать это направление самого президента, а я сдаю вам свои полномочия.

– А вы, генерал, куда, если не секрет?

– Секрет?.. Еще рано говорить, одно скажу – на повышение. Вот тогда и ухо поправлю.

Колбин с надеждой взглянул на появившегося адъютанта. Молоденький и тщедушный адъютант носил на голове фуражку, при этом натягивал ее на уши, пытаясь скрыть свою стрижку “под ноль”.

– Что слышно о группе “Д”? Там мой сын.

¹⁹ Томас Сиденхем (1624 – 1689 гг.), знаменитый английский врач, “английский Гиппократ”.

– Ничего. Кроме того, что полет заканчивается благополучно в плановом режиме. Они в пяти часах от Аурси.

– Договор на лечение психбольных на Керси в полном порядке?

– Документ выполнен безупречно, отправлен по адресу и уже получено согласие с их стороны на приемку партии из ста больных.

– А мы – что, не можем лечить? С каких это пор? – взволновалась Русскина. – Всеякие туземцы – неандертальцы по отношению к нам.

– Есть одна тонкость. Можем, но не хотим. Не желаем. Не в наших интересах.

– А они?

– Хотят, но не могут. Но мы убеждаем, что только их целебный воздух в любом случае поможет нашим больным.

– А что с вашим сыном?

– Частичный метаболизм мозга.

Генерал разоткровенничался:

– В молодости для меня было неожиданностью узнать, на что способна психиатрия, даже если я сам не смогу реализовать ее возможности. Но я быстро разочаровался, когда понял, что она несовершенно...

За разговором они прошли на причал и взмыли вверх на одной из маневровых ракет, называемых между собой в просторечии астероидными “трамвайчиками”, запрограммированными на постоянный маршрут. Генерал продолжал:

– Мне в институте в шутку внушили: психопат – это нормальный человек, наконец, осознавший реалии жизни, которые происходят вокруг; а в самом ведомстве при направлении на работу сказали: “решите одну из основных проблем психиатрии – и вы национальный герой, вы на вершине славы”.

– Серьезнейшая проблема нашего времени, но ею никто по-настоящему не занимался, так как не видно путей решения, – с пониманием прокомментировала Русскина.

Ракета на последнем вираже грубо отсекла несколько одиночных малолитражек и, нырнув под купол, приземлилась перед массивными воротами, обрамленными высоким глухим забором с колючей проволокой.

– А вот и наша резиденция! – радостно объявил генерал.

Русскина увидела только забор.

– За ним еще один забор под током, и еще один, – вводил в курс дела генерал.

– Зачем такие меры предосторожности?

– Ну, знаете, не глупостями едиными жив человек, а кто-то занимается серьезными делами. Всё начинается отсюда. Эта, так сказать, первоначальная школа подготовки, кузница кадров, для кого-то даже альма-матер.

– Мне говорили, это дурдом в чистом виде!

– Дурдомистее не бывает. Тихопомешанные и самые буйные хроники доводятся до кондиции здесь.

Поднесли очередные сводки. Судя по прекрасному расположению духа, они были ожидаемыми для генерала.

– Полковник, – отвел он глаза от документа, – я думал, что вам в общих чертах охарактеризовали суть нашей специфики... Не женское это дело. Как же вы согласились на эту работу?

– Предложили сделать прыжок в политику.

– Но вы даже не засомневались, ведь политика – вообще грязное дело, а наша работа – тем более.

– Советуете, пока не поздно – отказаться?

– Не падайте духом, если работать чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем, всё будет нормально, как надо.

Окрик часового прервал разговор. Перед ними, широко расставив ноги в массивных армейских ботинках, стоял солдат в форме воздушно-десантных войск.

– Пароль! – перевел предохранилитель десантник. Зеленые глаза из-под каски глядели настороженно и недружелюбно. Черный зрачок автомата был направлен в грудь генерала.

– Не узнал? Я Главный координатор, – сказал Колбин.

– Пароль! – требовательно повторил десантник.

– Керси.

– Аурси, – солдат посторонился, освобождая дорогу.

Запоры лязгнули восемь раз, отчего полковник заключила, что они прошли четверо дверей.

Генерал продолжил разговор:

– В то же время с физической точки зрения, а не чисто эмоциональных умозаключений, психи – это здоровые, в общем-то, люди, единственный недостаток которых в том, что в каждом обнаруживаются сложные психопатические изменения. Но этот недостаток, вы еще не всё знаете, мы оборачиваем в свою пользу.

Из невидимых динамиков раздалось: “Добро пожаловать в ЦППП”.

Перед ними возник указатель.

“ЛАБОРАТОРИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ”

Они вошли в просторную палату, в которой в драматических позах сидели, стояли, ходили с задумчивыми лицами психи, некоторые выплескивали из себя гомерический смех. Тем не менее, все они казались погруженными в себя. Русскина профессионально разделила их на три категории: вот угрюмые и подавленные; вот пребывающие в приподнятом настроении; вот болтающие без умолку. И еще ее острый взгляд выхватил четвертых, ничем особенным не выделяющихся и, если бы они не находились здесь, в них трудно было бы распознать больных.

На мужчинах были светло-голубые брюки, куртки и шапочки, напоминающие ермолки. На женщинах – такая же форма, не исключая головных уборов. Несмотря на приятный цвет, многочисленное засилье в палате этих костюмов создавало тяжелую обстановку удрученности.

– Вы не в восторге? – Колбин заметил унылый и страдальческий вид полковника.

– Не то слово, – ответила она.

– А теперь меняется одна существенная деталь. – Генерал снял с себя берет и, смахнув ермолку, нахлобучил на больного, при этом заломил его на голове сильно на бок. Больной явно преобразился, став похожим на бравого воюка.

Русскина удивилась: произошла очевидная метаморфоза.

Вошел с контейнерами медперсонал, пять мужчин. Извлекли коробки, в которых лежали упаковки шприцев для подкожных вливаний.

– Каждый из ребят должен обработать двадцать пациентов, – объяснил Колбин.

Полковник тревожно застыла. Медбратья втягивали содержимое пяти ампул в большой шприц.

– Карметол – сильнодействующий барбитурат для внутримышечного впрыскивания, – продолжал он. – Уже десять кубиков могут убить совершенно здорового человека.

– Его показания?

– Он создает в организме стойкое, можно условно сказать, электрическое сопротивление. В ситуации боя дозу нейроэффекта установить трудно. А после промежуточной терапии все бойцы по этому параметру, как близнецы-братья становятся на одно лицо.

Больные выстроились в две очереди и получали укол в предплечье, иглолка впивалась под основание и мутноватая жидкость медленно вливалась под кожу, при этом пустые глаза больных оставались безучастными.

– Глеб, курсант В-37, – стал представлять больных Колбин, – пусть длинный нескладный парень. Не смотрите, что с лицом, усыпанным юношескими прыщами. Высочайшая квалификация по минированию; Азиза, курсант А-89, здоровячка, но с близорукими глазами на выкате, с едва заметными стеклышками контактных линз. Отличная сестра милосердия; Лала, курсант К-54, присмотритесь, молоденькая девица с мальчишеской фигуркой, взъерошенными волосами и чумазым лицом. Зама-рашка, но явно более культурная и воспитанная, чем ее окружающие. Профессиональная разведчица...

– Достаточно, – произнесла Русскина.

– Когда-то они были нормальными людьми. Безумие исказило или перевернуло часть их умственной программы, и теперь это полные идиоты, неудавшиеся забракованные слепки самих себя, только внешностью напоминающие о былом величии человека.

Генерал остановился возле детской песочницы и копающихся в ней мужчин.

– Их ждет полная реабилитация и в прямом и в переносном смысле. Во-первых, наши люди доведут до сопроводительной кондиции; а во-вторых, сумасшедшие не безгрешны, не ангелы, им надо морально очиститься перед обществом.

– И тихие и буйные – все идут в ход?

– Они сумасшедшие – и этим всё сказано, но они не утратили, не растеряли в себе главное – военные навыки.

– Должны же они где-то в закоулках мозга остаться? – подтвердила Русскина.

– Скажу, их ждет полная реабилитация перед обществом – глубокая, основательная, но только пройдя через героический поступок.

– Как на фронте? Искупление кровью?

– Лучше не скажешь. Вон видите того амбала, играющегося в песочнице?

– Напоминающий смеющегося фавна?

– Да. Порфирий, курсант К-01. Это, по прогнозу психологов, ведущее лицо в последующих событиях, запланированных на новом театре военных действий. Театр сместился на планетную систему Жерси, состоящую из Аурси, Герси, Керси, Серси и Перси. Будущий командир роты в восемьдесят-сто человек.

– Но он сумасшедший с признаками сильно выраженного отклонения, на научном языке – паресиса!

– Сегодня – да, а завтра, увидите – нет. Будет новоизмененный, перерожденный человек.

– Неужели будет здоров? Насколько я понимаю как специалист, такие не подлежат излечению.

– Вы недооцениваете современную психиатрию.

– И целебный воздух на планетах? – язвительно добавила Русскина.

– А что? И целебный воздух.

– Ну уж, не говорите...

– В действительности, сегодня нет такой необходимости. Даже больше того, каждый должен оставаться психом как можно дольше, чтобы в нужный момент

стать нормальным, и с ходу в карьер выполнить возложенную на него боевую задачу.

К Колбину подскочил сумасшедший.

– Я – Александр Македонский!

– А я – Буцефал! – зычно грохнул в ответ генерал.

Сумасшедший испуганно отскочил, как повизгивающая собака, получившая в ребро удар ботинком.

– Да, но что вы скажете, например, про того высокого бронеота, который выглядит с виду нормальным?

– С ним печальная история, – бросил Колбин через плечо, – это было ударом для всей музыкальной элиты России. Он не прошел проверки славой. Популярность сыграла с ним злую шутку. Право же, мы чуть не плакали.

– Но кто он? – спросила Русскина. – По тому, как вы говорите, он должно быть заметная фигура в российском бомонде?

– Слышали про Андрея Верхнедейского?

– Андрей Верхнедейский? – повторила Русскина; в памяти у нее зашевелились давние воспоминания, но она покачала головой. – Мне кажется, что я где-то слышала это имя на Марсе или на Венере, но оно мне ничего не говорит.

– Никогда не слышали об Андрее Верхнедейском? Об этом певце известных шлягеров?

– Ах, да, вот теперь припоминаю! – воскликнула Русскина, – Переполненный стадион Лужники, супершоу, грандиозный гала-концерт!

Безотчетная грусть внезапно охватила ее. Каких-нибудь три года, и этот изумительный артист во всем блеске своего таланта, своей славы теперь вдруг оказывается здесь, в толпе умалишенных, ожидающих отправки в систему Жерси.

Колбин иронично оглядел полковника.

– Успокойтесь. Если на долю Андрея Верхнедейского выпал жалкий жребий, то кто знает, что ожидает нас с вами?

– Да, стать одним из этих обреченных людей – незавидная перспектива. – Русскину какая-то сила направила к выходу, лишь у самой двери она остановилась и оглянулась. Ее глаза по-прежнему смотрели тревожно, но их выражение почти неуловимо изменилось в сторону решительности.

Генерал учтиво пропустил полковника вперед.

– А, в общем, я им завидую; нет ничего проще совершить подвиг в полусознательном состоянии, а потом пожизненный почет и уважение, награды Родины и звание Героя России – лучше не придумаешь.

Они оказались в тестовой комнате, нашпигованной разными инструментами и даже тисками, ничего общего не имеющими со слесарными работами. Он испытывающе посмотрел на полковника, ожидая, как Русскина отреагирует.

Вдоль стен располагались черные металлические кресла, возле которых стояли аппараты с выдвигаемыми челюстями, отчего у Русскиной возникло неприятное ощущение, что сейчас эти челюсти сомкнутся на ее запястьях и лодыжках, прикуют ее к месту и растянут во весь рост, и она станет свидетельницей изощренной на себе пытки. В глазах ее отразились сырость и холод подвалов Тайной канцелярии. Тем не менее, она взяла себя в руки и спокойно спросила:

– И ваш сын тоже побывал здесь?

– Я никому не делаю снисхождения, более того, никому не доверил его проверку.

– Вижу, тут кричи не кричи – никто не услышит, – с уважением сказала Русскина. Проведя несколько ударов

кулаком по стенке, она обратила внимание на пористый материал, максимально поглощающий звуки.

Два техника, пожилой бородатый и его краснолицый коллега, склонились над одним из аппаратов и делали настройку.

Пока генерал вел полковника к себе в кабинет, он ставил последние точки над “і” своей работы.

– Да, у них скудость ума на животном уровне. Но, кому придет в голову мысль, что эти сумасшедшие с будущим? Тем временем туземцы с ними цацкаются как с детьми, создают надлежащий уход, переводят уйму лекарств, а растормозить их так и не сумеют.

– А сами сумасшедшие какое впечатление на них производят?

– Жалости.

– Неужели можно кого-то разжалобить бредом неизлечимых шизофреников? – Русскина, сама будучи с твердой закладкой, была поражена до глубины души.

В коридоре генералу подали донесение, и он тут же нетерпеливо пробежал глазами последние сводки.

– Ура! – воскликнул он. – События на Перси перешли в решающую фазу и завершились нашей победой.

Колбин – уравновешенный, приучивший себя к дисциплине человек, почему-то сегодня поминутно отгибал рукав и вглядывался в циферблат часов.

– Итак, полковник, в нашем распоряжении несколько суток до основных событий на Аурси. Я уверен в сыне, как в самом себе.

Они прошли в комендатуру. Там их догнала новая сводка.

– “Все готово. С минуты на минуту начинается час “Икс”. – Генерал прочитал строчки и удовлетворенно потер руки. – Полным ходом идет колонизация в планетной системе Жерси. И завершение кампании на Герси.

– Лейтенант! – окликнул генерал проходящего офицера.

– Курт Менцель, – представился он.

– Лейтенант Менцель!

– Яволь, герр генерал.

– Вы отправляетесь в командировку на Керси. Там представитесь инспектором по проверке реабилитации психов и завершите все нейрошоком.

– Что такое нейрошок?

– Вы разве новенький?

– Да, не вошел в курс дела.

– Прошу прощения, надо знать, – сказал генерал и, нагнувшись, залепил лейтенанту сильную звонкую пощечину.

Глаза вылезли из орбит от возмущения, но лейтенант сдержался.

– Вот это и есть нейрошок, сильнодействующий метод. За инструкциями прошу зайти в кабинет № 256.

Подошел адъютант и подал докладную о положении дел.

– Адъютант, есть ли сведения о наших противниках?

– Пока ничего подозрительного.

– Не слышно никакого шевеления? Они ни о чем не догадываются?

– Нет.

– А военные мероприятия ведут?

– У них пора по сбору овощей.

– Чего они ждут от нас?

– Развития дальнейшей мирной инициативы на сельскохозяйственной ниве.

– Серси откликнулись на нашу просьбу о лечении ста умалишенных?

– Да.

– Это хорошее начало, это надежный задел. Курортные условия, свежий воздух, хорошее питание, знаете ли, я сам не прочь пройти курс релаксации от всех этих вечных недосыпаний и контактов со сложным контингентом.

– Насколько хорошо укомплектована группа на Перси?

Адъютант на секунду задумался.

– Ста люциферов хватит?

– За глаза.

– Тогда не хватает два-три человека.

– Возьмите из сегодняшнего привоза.

– Люциферов – это кого? – спросила полковник.

– Дьяволов! – с гордостью ответил Колбин. – Кстати, слово “люцифер” переводится, как “несущий свет”.

Проходя мимо регистратуры, генерал прихватил историю болезни сумасшедших группы “Г” и сказал окошко:

– Надо быстрее закончить ее комплектацию. Напишите служебную записку в мою канцелярию. Что-нибудь придумаем.

– Я не совсем поняла основную схему, – сказала Русскина.

– Идет колонизация планет и все не так однозначно, – Колбин приподнял палец. – Вопрос стоит в том, кто будет господствовать в этой части вселенной, и кто сколько сможет проглотить колоний. Американцы, французы, англичане, китайцы, японцы – все ведут негласное соревнование между собой. Созвездие Волосы Вероники стратегически важный район, на который особо обратил внимание сам президент России. Что остается делать России в этой ситуации, чтобы не остаться у разбитого корыта? Цепочка мероприятий простая. Мы находим неисследованный участок космоса. Просматриваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету – в поисках разумной жизни. Самое неприятное, – посетовал генерал, – когда начинает досажать местное правительство со своим гнилым суверенитетом, не желая добровольно присоединиться к нашему содружеству. Скоты! Мы даже не можем убедить себя, что с ними возможен диалог на равных. Нас озадачивают темпы колонизации, Они идут медленно, даже медленнее, чем хотелось бы. Но мы не проводим лобовой захват, как бывало раньше, после чего проливалось много крови и мало оставалось шансов колонизировать планету. Провалы тогда следовали один за другим. Сегодня участвовать в переговорных процессах, в подобных их затягиваниях никто не намерен.

– Колонизация идет медленнее, чем у американцев?

– Быстрее. Они нам в подметки не годятся.

– И в то же время медленно. В скромности вам не откажешь.

– Они не дотумкали того, что мы придумали и уже реализовали.

– Подробнее можно?

Генерал повернулся к полковнику.

– Вы видели этих несчастных?

– Надо быть воистину изобретателем, чтобы облегчить их страдания.

– Это не несчастные, это орлы, рвущиеся в атаку на врага. Их глаза скоро загорятся огнем победы.

– Сейчас по ним такое не скажешь.

– Увидите – скажете. Лечение на интересующих нас планетах – сплошная проформа. Ставка на неожиданность в условиях гарантированной тайны операций. О них знаю только я, да теперь будете знать вы. Чем хорош

вылечившийся от нейрошока псих, так это тем, что первоначально пребывает в промежуточной фазе, длящейся несколько часов. Но их бывает достаточно, чтобы создать, так называемый, плацдарм для победы. Пока психи окончательно не придут в себя, пока не оклемаются, у них начисто отсутствует порог опасности, отсутствуют инстинкт самосохранения и чувство страха, и они сломя голову лезут в самое горнило боевых действий.

– Как вы их называли – настоящие люциферы?

– У солдат нет эмоций – и это их преимущество в войне.

– Они, что, головорезы?

– Отвечу так: они не отвлекаются на повседневную жизнь и от поставленной задачи.

– Им незнакомо чувство страха. А дальше что?

– С захватом президентского дворца провозглашается президент из наших или марионетка. Государство без правительства, что организм без головы. Подобострастное почтение к любому новому голосу из дворца общеизвестно у любого народа.

– Теория космогонии вкупе с космологией развивается как пописанному или разбивается вами в пух и прах? – с уважением спросила Русскина.

– А! наконец-то теперь вам все ясно! – обрадовался Колбин.

– В общих чертах.

Генерал пожурил полковника за недомыслие:

– Ну почему, когда мы хотим познать что-нибудь впечатляющее, мы черпаем материал непременно не из простого понимания сего мира? Почему пускаемся в пространные рассуждения, даже в домислы: страшные, таинственные и фантастические с приукрашиванием чуть ли не до преувеличений? А все на самом деле проще простого.

– Жизнь еще не настолько философски осмыслена и, к разочарованию, эфемерна, чтобы мы ее понимали больше, чем борьбу за существование. Не так ли?

– Потому что у человека есть двигатель прогресса, включающийся, когда ему становится страшно от мысли, что его заключили в тесный круг и он до самой смерти не выберется из него.

– Что еще нового, кроме “курортных условий”, в методике лечения? – поинтересовалась Русскина.

– У туземцев варварские способы запрещены, говорят, что они воспроизводят на них гнетуще дикое впечатление. Поэтому ничего нового.

– Как будто у нас они не запрещены? – пожалала плечами Русскина.

– Они сами того не сознавая, уже нас удивляют бредом шизофреников, не понимая, что есть элементарный прагматизм.

– Я тоже всегда говорила, что туземцам далеко до нас – у них нет настоящих психиатров, – сказала Русскина.

– Поэтому надо торопиться.

– Вы отчаянно ставите под угрозу жизнь вашего сына, – предупредила Русскина.

– Нет, я посылаю его не на верную смерть, я помогаю возвести его на гребень славы. Что еще нужно для молодого и честолюбивого человека? Это его способ вернуться к нормальной жизни, а если даже и умереть, то с достоинством.

– Все равно рискуете своим сыном.

– Не больше, чем каждый из нас. Определенную склонность к риску я унаследовал от отца, а сын от меня. И вообще, мы сыграем в эту игру до конца, – жестко сказал Колбин.

– Но он же...

– Ничего, люди и в таком психомоторном состоянии могут принести пользу родине. У них нет поврежденных органов, а есть заклиненные шестеренки в голове. Иной раз ремонт телевизора заключается в его встряхивании хорошим ударом кулака. Одна из особенностей шизофрении и вообще психических заболеваний в том, что подсознательное всегда старается прорваться в сознание. А подсознательное – это опыт, умение, практика. Итак, упор на умелое использование, и в этом особенность и главное преимущество российского контингента сил.

Русскина кивнула:

– Любому психиатру известно про заклиненные шестеренки. Очевидный путь – атаковать их неочевидными приемами.

– Что такое психиатрия? – спросил генерал и сам ответил. – Это изучение болезней мозга и лечение их. Встряхивание шестеренок вполне вписывается в круг известных методов, давая хороший итоговый результат.

Уже, будучи в своем кабинете, генерал открыл бутылку шампанского, выстрелив пробкой в потолок.

– Все идет стремительно и победные донесения надо ждать с минуты на минуту, а через день-два будем праздновать очередную викторию, – замурлыкал он довольно. – Выпьем за успех операции, за группу “Д”, за моего сына! – предложил он, вручая бокал полковнику.

– За группу “Д”! – повторила Русскина и осушила бокал.

– Теперь за ваше здоровье.

– Спасибо.

Колбин довольно замурлыкал:

– И таким образом на Землю пойдет скромное сообщение: “История человека на небольшой планете под названием Аурси в созвездии Волосы Вероники продолжает свой разбег”.

– О, “Патетическая симфония”! – откликнулась Русскина на включенную музыку.

– Говорят, вы молоды. Полный расцвет сил. Нетактично спрашивать у женщины, а сколько вам лет, тридцать шесть?

– Почти угадали. Тридцать восемь.

Русскина, заложив руки за спину, подошла к окну и некоторое время молча смотрела на улицу. Из окна, что удивительно в условиях безвоздушного астероида, открывался вид на залитый искусственным солнцем зеленый сквер, в нем гуляли молодые мамы с колясками и играли дети. За кронами пышных деревьев возносились к небу крыши зданий.

Генерал позвал адъютанта.

– Когда мы в последний раз направляли послание о дружбе на Аурси?

– Три месяца назад.

– В такой ответственный момент? Дайте срочную телеграмму. Нельзя долго тянуть. Столько времени не проявлять дружественных чувств – бестактно. Это может вызвать неправильную реакцию и подозрение.

– Товарищ генерал, сведения, о которых я докладывал вам ранее, подтверждаются. Они совпадают с данными наших агентов – всё о-кей!

– Пусть туземцы думают, что лучшее взаимопонимание – это культурные связи. Мы поможем им в их заблуждении.

– На Аурси больше держатся за торговое соглашение.

– Обеими руками? Еще лучше. Тогда не медлите, от имени президента пошлите заверение о сотрудничестве,

о наших искренних чувствах к их новой мирной сельскохозяйственной кампании.

– А вы уверены, что послание им понравится? – спросила Русскина.

– Ближе к жизни, полковник. Конечно. А, впрочем, – генерал посмотрел на часы, – мы уже опоздали. Послание им – как мертвому припарка.

– На чем держится тонкость программы?

– На том, что душевнобольные, парадокс, никогда не переведутся. Они были, есть и будут. И это хорошо. Какво, если бы в один прекрасный день у нас не осталось ни вот столечко сумасшедших?

– Это было бы ужасно, тяжкое потрясение для общества, трагедия?

– Гораздо больше, чем трагедия. Национальная катастрофа! Никогда не перестал бы проклинать себя за то, что именно при мне такое произошло, словно я лично причастен к этому.

– Попутно идет разгрузка наших сумасшедших домов.

– Полковник, вы слышали сказку про волшебную палочку, которая способна превратить что угодно во что угодно? Нейрошок напоминает мне волшебную палочку за его положительную результативность.

– Неужели – большая?

– Как я сказал, психи совсем не безнадежные больные. Им надо только помочь преодолеть психическую несовместимость со своим вполне нормальным сильным телом. Мы добились того, что уже сто процентов сумасшедших вылечиваются и превращаются в полноценных людей.

– А мне кажется, что сумасшедших только прибавляется?

– Вы правы, причина всех психических расстройств очевидна – трансовые ситуации. Парадокс, хотя ничего удивительного. С развитием человека жизнь становится всё более стрессовая. Отсюда сильные психологические удары: кто седеет, кто инфаркты зарабатывает, кто самоубийством кончает, а кто-то с ума сходит.

Русскина призадумалась.

– Я столько привезла психов – неужели недокомплект возможен?

– В вас, полковник, – похвалил генерал, – движет настоящий специалист своего дела, не зря, видимо, прислали сюда, вы быстро осваиваетесь с обстановкой.

Генерал подошел к стене и раздвинул шторы, обнажив карту части звездного неба, и ткнул пальцем в левом нижнем углу.

– Здесь заканчивается Жерси, а далее Кукай, Воблан, Тукеи.

– Перспективные районы?

– Да, наши ближайшие цели.

– Дух захватывает, – поежилась Русскина.

– Главное, чтобы не возникло никаких сомнений?

– Сомнений? Нет. Вопросы есть, может быть, интересуют некоторые детали.

На составление обзорного плана предстоящих операций на текущий период ушло два часа.

Вошел адъютант, и что-то доложил очень тихо Колбину прямо на ухо:

– Получена очередная депеша, товарищ генерал. Неприятная. Группа, в которой забрасывался ваш сын, погибла в ракетной катастрофе при выведении курса на посадку.

– Многообещающее начало? – не расслышала Русскина.

Генерал тупо менялся в лице прямо на глазах.

– Что? – загремел он и тут же сник. – Мой многолетний труд... Мои самые надежные силы, самые вышколенные кадры... Мой любимый сын погиб? Все пали смертью храбрых при исполнении наших колониальных интересов... Я не я буду, если лично не завершу события на Аурси победоносно. Дело всей моей жизни под угрозой! – застонал Колбин.

Русскина не успела принести свои глубокие соболезнования, как генерала вдруг повело, он взмахнул руками и стал делать машущие движения.

– Я полетел. Я лечу на Аурси.

Глаза его светились детской непосредственностью.

– Может вывести его на воздух? – спросил адъютант.

– Не надо, – сказала Русскина.

– Глоток спирта?

– Тоже ни к чему.

– Вызвать врача?

– Мы сами врачи.

– Тогда что же?

Русскина, подумав, покачала головой.

– Эмоциональная ремиссия – классический случай! – выразила она.

Она остановилась глазами на висевшем на стене нейробиче.

Адъютант понимающе поймал взгляд.

– Хорошая штука. Первый исторический образец генерала, давший начало целому поколению. Выводит именно из такого состояния.

– Попробуйте.

– Применение нейрошока на территории России и в ее заморских землях запрещено законом. На чужих можно.

– За ограниченное применение я беру ответственность на себя.

Генерал получил сногсшибательный импульс, глаза вылезли из орбит и он рухнул на диван. Русскина пощупала пульс, затем оттянула веки и внимательно взглянула в зрачки.

– Это не опасно? – спросил адъютант.

– Всё в порядке. Простой обморок.

– Если его не хватил инфаркт, значит с сердцем все в порядке?

– Но до положительного эффекта далеко – для него это суший укус комара.

– Доза карметола создаст все условия... – предложил адъютант.

– А увеличить мощность импульса еще можно?

Офицер перевел движок на два щелчка вперед.

– Телячьи нежности – не в бирюльки играем, – отвела инструмент, передумавшая почему-то Русскина. – Генерал в экстренной помощи не нуждается, и вообще, его исключительные качества будут задействованы теперь в другом крупном плане.

“Quisnam igitur sanus. Все мы тут с приветом!” – вспомнила вольным переводом Горация полковник.

На ее окрик пришли два санитары, сняли с Колбина генеральский мундир и облачили в светло-голубую форму с ярмолкой, тут же ввели дозу карметола.

– Этого сумасшедшего определить в спецгруппу “2Д”.

Русскина задумчиво почесала переносицу и углубилась в досье. Досье как досье – только послужная лестница генерала шла не иначе, как только вверх. И в жизни не было никаких зигзагов – прямая линия и вектор – вперед и вверх! Если верить анкетной биографии, всё генералу давалось на удивление легко и накатано: школу за-

кончил с золотой медалью, университет – с красным дипломом. На кафедре, где его оставили ассистентом, через год защитил диссертацию на тему “Карательная психиатрия”. Куча научных трудов, добрая сотня публикаций в закрытых изданиях, два открытия и сорок изобретений из области “нейрошоковый инструмент”, пачка наградных документов. Разработка целого поколения надежного и эффективного инструмента, доводка и проверка его на практике позволили Колбину выдвинуться в ряд классных специалистов, о которых знал только узкий круг людей во главе с президентом. Эта тема всплыла в связи с назначением полковника на базу “Троянский конь”.

Генерала привели в тестовую комнату. Твердость характера – это чаще мужское свойство, и когда оно есть у женщины, ей стоит смягчать его, сдерживать сознательными усилиями, чтобы не потерять женственность. Но когда на карту поставлено всё...

Ассистенты понимали без слов и также безмолвно и привычно выполняли указания.

Русскина достала платок и обмакивала часто выступавшие на лбу капли пота, когда самолично проводила проверку иглами под ногти. Генерал блаженно улыбался. Потом он, еще не услышав команды показать язык, добровольно высунул его. Каленая иголка с шипением прошла сквозь мякоть, и в нос ударил такой сильный запах паленого мяса, что Русскина подняла глаза и с беспokoйством посмотрела на Колбина. Самым поразительным было то, что при этом у него не повышалось кровяное давление, не изменились ритм и частота сердцебиения, и не нарушилось дыхание!

Генерал лучезарно светился.

– Какой болевой порог у генерала? – спросила она у ассистента.

– Все – десять.

– Настоящий патриот! – изумилась Русскина и положила руку ему на плечо. – Наша сила вот в таких сильных парнях.

– Как оформим тест? – спросил ассистент.

– Тест радует, конечно, пишите, положительный, – ответила она.

Русскина прикинула в уме, какой еще болевой тест применить, но, увидев, как у санитаря подкосились колени и поползли брови вверх, и, подумав, что можно перепилить Колбину пальцы тупым ножом и он ровным счетом ничего не почувствует, решила, что с того хватит, и на этом остановилась.

Занятая своими мыслями, Русскина покинула тестовую комнату на перерыв.

Колбин по-прежнему не выходил из головы. Конечно, встречаются люди, которые не переносят стрессы, как фамильярного обращения к себе, но ведь здесь на карту ставилось профессиональное отношение, неужели Колбин принадлежит к слабовыраженным, гнилым неврастеникам? Как только его военные комиссии просмотрели? Разумеется, каждый вышестоящий чин волен своего подчиненного воспринимать по-своему.

Итак, с Колбиным с проверкой поступили так же, как он со всеми.

В половине четвертого Русскина вернулась в кабинет. Ее била дрожь. Полный рабочий день с психами! Она заперла дверь и, сев в кресло, расслабилась. Она отдавала себе отчет в том, что совершенно не в состоянии сейчас работать. Надо было чуточку отойти и отдать должное Колбину, не доставившему ей ровным счетом никаких неудобств.

Она просто без изысков делала свою работу, чем ранее занимался сам Колбин: которому без труда удава-

лось демонстрировать лучшие образцы карательной психиатрии на “пациентах”, будь хоть они в своё время трезвомыслящими банковскими клерками, туповатыми портовыми рабочими или легкомысленными девицами. Сломить чужую волю, подмять сознательную часть внутреннего существа – вот лебединая песня уникальной профессии.

Оцепенение длилось секунду, пока она не почувствовала, что мир вернулся в свои рамки реальным и пол под ее ногами с минуты на минуту не провалился. И еще ей был необходим яркий свет. Она включила всю иллюминацию в кабинете.

Русскина взяла командование на себя.

– Объявить по базе готовность номер один! Заброс повторить. Челнок № 38 с группой “2Д” срочно направить на Аурси! Готовящемуся на Керси Курту Менцелю переиграть командировку на Аурси и с сопровождением команды отбыть точно в срок. – Лицо Русскиной было каменно-строгим. Она почувствовала ту особую ясность в голове, какая всегда бывает перед боем.

Об одном полковник жалела, что генерал не успел полностью ввести ее в курс дела – профессиональные тонкости теперь бы не помешали.

Целую неделю полковник не отрывалась от бумаг. Она подходила к карте и уже присматривалась на соседнюю систему Кукай с планетами Тукай, Макай, Шуркай и Юркай. В ее уме зрели новые грандиозные планы.

Долгожданная сводка была принципиально важная.

“Правительство Аурси низложено. Все ключевые объекты удерживают наши парни во главе с генералом Колбиным до прибытия основных сил”.

– Чисто сработано! – удовлетворенно потерла ладонями полковник Русскина.

При награждении звездой “Герой России” генерал Русскина стояла с высоко поднятой головой рядом с Колбиным, награжденным медалью “Защитник отечества”, и ощущала гордость. Неимоверную гордость. Она гордилась собой, Россией, Колбиным и думала: “Это целый конвейер и он ни разу не дал сбой. Ни единой осечки! Утерли нос американцам. Она продолжает дело генерала Колбина. Дело Колбина живет и побеждает.

Вечером Русскина тщательно вымыла руки и усталая вышла из тестовой комнаты. Сегодня психи проняли ее основательно до изнеможения, до пота. За спиной слышался знакомый скрип многочисленных ботинок. Она машинально отступила в сторону и прижалась к стене. Мимо нее по коридору двигалась колонна больных в “Лабораторию эмоциональной терапии”. Динамики сопровождали приветствиями “Добро пожаловать в ЦППП”

Спустя час она направилась в гости к Колбину с бутылкой шампанского.

Сегодня лицо генерала было чуть постаревшим, округлым и мясистым. На подбородке и шее выступили жировые складки. Лицо было потным, дружески приветливым. Он грузно выглядел в клетчатой рубашке и соломенной широкополой шляпе, привезенной с Аурси. “Не смотря на тучность, тем не менее, – щеголь. Как он поюнкерски печатает шаг, идя навстречу мне? Как бы парит над астероидом! – с восхищением думала Русскина. – Образец элегантности, он даже смотрит возвышенно и уютно!”

– Вы уж простите, – рассыпалась в извинениях она.

– За что?

– За причиненные вам хлопоты.

– Какие? Ничего не было.

– Ну, эти...

– Не помню, – генерал пропустил Рускину в дом и крепко пожал руку. – Не стоит извинений. Я бы на вашем месте с вами поступил точно также, не церемонился, генерал, попадись вы в мои цепкие руки.

– Даже несмотря на то, что я женщина?

– Да хоть сам черт! Гуманизм с его телячьими нежностями у нас не в ходу.

– Bravo, генерал! – воскликнула Рускина и прошла в домашний кабинет.

– Набрал весу. Извините, – сказал Колбин, – начал писать мемуары.

– Какая муха вас укусила, генерал?

– Нельзя отставать, во всем надо быть первыми. Наша работа – теперь не секрет полишинеля. Американцы пошли точно по нашему накатанному пути. Стало известно, что и у них население, ранее благополучное, неожиданно оказалось с высоким уровнем психопатизации. Демобилизация идет по принципу дебилизации. В армию рекрутируются психи. А, значит, это хорошие солдаты... Это то самое, о чем испокон веков мечтали военачальники всего мира.

– Да, это нечто. И на чем вы уже остановились?

– Прошел детство. Теперь оглядываюсь в юность.

ЛАВРИК

(из жизни великих авантюристов)

Лаврик Берия, когда был чуть выше табуретки, частенько забирался к отцу на колени и лопотал своим шепелявым детским голосом: “Папа, давай поспорим на щелбаны!” Отец всерьез принимал забаву, выигрывать не хотел и проигрывал в свое удовольствие. Да и как не подставлять лоб сыну. Тот был маленьким, его прикосновения – приятные, щекотливые. Счастливый отец прямо млея: “Лаврик, Лариосик, сю-сю-сю, какой хороший мальчик!” и театрально морщился, когда малыш залихватом вкатывал нежные щелбаны и с детской непосредственностью спрашивал: “Папа, тебе не больно?”

– Люди, смотрите! – всем с гордостью говорил отец. – Настоящий мужчина растет, моя опора, мое будущее, беспощадный к врагам трудового народа!

Но с возрастом отец стал замечать в себе нежелательные последствия: неумолимо наваливалась старость, появились головные боли, щелбаны все чаще отдавались медным колокольным звоном, переходящим уже в чугунный бас. Он не мог вспомнить, когда в последний раз выигрывал. А Лаврик был совсем не тот тщедушный кроха, он перерос отца и назывался теперь Лаврентием Павловичем. Это был большой человек, обитающий в самом сердце столицы, и даже в родном доме появлялся в сопровождении особистов.

Лаврентий Павлович заявился к отцу неожиданно. Вот и на этот раз после жарких обниманий и поцелуев, когда настало время серьезных разговоров, он предложил:

– Отец, поспорим на щелбаны? Равные условия, у тебя двадцать ракет и у меня двадцать. Борьба двух непримиримых систем, война до победного конца, если надо – на полное уничтожение. Кто победит?

– Я ничего не понимаю в этом, сынок! – испуганно пробормотал тот на провокационный вопрос.

– Время тревожное, – продолжил Лаврентий Павлович. – Всюду предатели и враги. Или они нас, или мы – их. Задача каждого честного человека сделать всё возможное, чтобы помочь родине. Так это или не так?

– Так, – согласился отец.

– Вот и отлично! Значит, скажешь ответ?

– Я? – пролепетал отец.

– Ты.

– Но что?

– Кто победит?

– Но я этого и, правда, не знаю, не понимаю.

– А чего тут знать-разуметь? Только скажи.

– Нет, не смогу. Прости, не сумею, – проговорил отец. – Я теперь старый, робкий, застенчивый человек. И в голове у меня с возрастом не всё в порядке.

– Донести любую информацию все обязаны.

– Какой из меня шпион! – отшатнулся отец.

Лаврентий Павлович поправил его:

– Шпион – это тот, кто нам вредит. А тот шпион, кто нам помогает, – патриот. Ну что?

– Я еще угрюмый и малообщительный.

– Не прикидывайся.

– Сынок, Я ничего не смыслю в политике! – отца прохватила дрожь.

Лаврентий Павлович поправил на носу отблескивающие свет очки.

– Ты уходишь от прямого ответа. Нежелание работать со следствием. Ну а всё же? Предположим, что согласишься, что хочешь сказать? Вообрази на минутку, что, благодаря пособникам международного империализма, у тебя в доме на огороде имеется разного рода оружие, даже самое грозное, могущественное, какое есть у нас и у господ империалистов – ракеты. Но, как сказал великий вождь и мудрый учитель товарищ Сталин, нас не запугать мнимой угрозой. Им это дорого обойдется, потому что нам есть чем сломать им хребет, сколько бы для победы не потребовалось положить человеческих жизней.

Отец схватился за сердце.

– У меня нет ракет, и никогда не было, это у тебя есть...

– Стоп, стоп, стоп! Вот ты и проговорился, стал давать чистосердечные показания. – Лаврентий Павлович пронизывающе ощупывал отца сквозь очки. – Выкладывай, где, когда, сколько видел, твои сообщники, суммарная убийная сила и главный вопрос – кто победит в этом противостоянии двух систем?

– У кого мышление стратега более развито, – осторожно ответил старый революционер.

– Не юли, я по мышлению сравнялся с тобой и с первыми лицами страны! И с самим генералиссимусом Сталиным! – важно подняв палец к небу, похвастался Лаврентий Павлович.

– У кого будет насморк, тот и проиграет, как Наполеон при Ватерлоо, – еще осторожнее высказал версию отец.

– Это не существенно при такой плотности огня и радиации! – резонно заметил Лаврентий Павлович.

– Тогда я не знаю...

– Сдаешься, отец?

– Сдаюсь...

– А, попался! Ты проиграл! Тебе двадцать фофанов, подставляй чердак! – Лаврентий Павлович расшалился, как в детские годы.

У отца затряслись руки.

– Сынок, может не надо фофаны, я старый, куда уж мне... Давай останемся, как были, большими друзьями.

– Отец, это склонение должностного лица при исполнении служебных обязанностей, но я не черствый

чурбан, хоть ты и неосторожен в своих разговорах о сверхсекретном оружии. Я сделаю все, чтобы тебя не расстреляли, – примирительно сказал сын. – Выбирай, какая статья тебе больше нравится: “террористические намерения”, “шпионаж”, “восхваление иностранной техники” или “разглашение государственной тайны”?

Лаврентий Павлович задержал дыхание и орлиным взором перевел взгляд с побледневшего отца на стену. С портрета сквозь толстые усы приветливо улыбался Учитель, дорогой и родной товарищ Сталин: “Молодэц, Лаврэнтий, хорошо провел слэдствие!”

Тамара НОВИКОВА

НА ВОЙНЕ – КАК НА ВОЙНЕ...

*“А на войне – как на войне,
Солдаты видят мамку во сне”...*

... Грохот орудий, визг пуль и гарь. Открытые мертвые глаза друга, устремленные в никуда. Бешеный перестук сердца, заглушающий все звуки войны. Мучительный рывок всем телом – и потрясение: “Господи, я ведь дома! Это же было год назад!”

ЭТО БЫЛО ГОД НАЗАД,

когда двадцатилетний Вадим Никитин, служить которому осталось всего шесть месяцев, вместе с друзьями ребятами своего взвода впервые ступил на чеченскую землю. Странное это было ощущение – вроде как в кино. Война воспринималась как-то отстраненно: умом-то он понимал, что тут запросто и убить могут, но почему-то реально это к себе не относил. Жажды рваться в бой тоже не было: ребята просто глазели по сторонам из окон машин – интересно же...

Иногда чеченские чумазные пацаны стучали в окна и двери машины, крича русским солдатам: “Эй, зачем приехали? Обратнo вы не вернетесь!” Когда ребята ходили на рынок – потолкаться, посмотреть – их окружала толпа, состоящая в основном из диковато-красивых чеченских женщин, сердитых старух и бойких пацанов,

которые тоже требовали: “Убирайтесь к себе домой! Чего вам здесь надо?”

Батальон оперативного назначения (БОН), к которому был причислен Вадим, дислоцировался на окраине города Гудермеса. В течение полутора месяцев его задачей была охрана комендантского пункта, и невольно думалось: может, так и до “дембеля” дотянем, без всякой войны?

Но однажды ночью спящих солдат подняла тревога: “В ружье!” Оказалось, в Гудермес вошли чеченские боевики. Поднялась беспорядочная пальба. С трех ночи до семи утра ребята палили в сторону города, посылая выстрел за выстрелом наугад, бесприцельно – таков был приказ. Вадим тогда чуть не оглох от грохота.

Утром в разведку было послано шесть “БТРов”. Обратнo вернулся только один – разбитый, покореженный, ведомый одним-единственным солдатиком, оставшимся в живых, у которого уже не было ног...

ТАК ДЛЯ ВАДИМА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

Трижды предпринимался штурм Гудермеса, основной пришелся на 20 декабря. Это был уже настоящий бой, которого ему не забыть никогда. Как не забыть и

молоденького снайпера, который вдруг отказался стрелять... Отбросив оружие и обхватив голову руками, он плакал, по-детски кривя лицо: “Не могу... Не могу...” А бой разгорался, рядом падали его друзья – мертвыми, ранеными. И в конце концов, “тот, который не стрелял”, схватил свое оружие. Плача, крича и матерясь, он стал делать то, что делают на войне – убивать. На него было жутко смотреть, это был уже совсем другой человек. Теперь он мог все...

Сначала Вадиму было страшно – еще бы! Шквальный огонь заставлял прижиматься к земле, не было возможности даже голову поднять. Но когда ранили командира взвода, старший сержант Никитин получил приказ взять командование на себя. Вскоре по рации был получен приказ “Отходить!”. Вадим передал его для всех ребят – и стали поспешно отползать. А его армейский друг остался лежать. Вадим по-пластунски вернулся за ним, затормошил, перевернул на спину и оцепенел, увидев раскрытые неподвижные глаза, припорошенные грязным снегом.

ЭТО БЫЛ “ВЕСЕЛЫЙ”,

и никто его не звал иначе. Насмешник и балагур, он никогда не унывал. Он один мог уморить до изнеможения весь взвод. Вадим был с ним бок о бок с самого начала службы, и до “дембеля” им обоим оставалось всего две недели. Позже Вадим поедет на могилу к “Веселому” в Новокузнецк, посетит его осиротевших родителей, потерявших единственного сына. И узнает, что в части, где они служили, в их казарме для “Веселого” навсегда оставлена его койка, заправленная как при нем. И цветы на тумбочке под портретом. Солдат “Веселый” навечно остался служить в армии...

Но это будет потом. А сейчас, в дыму и грохоте, Вадим своей ладонью закрыл всегда развеселые глаза друга – и заплакал. Впервые заплакал на этой войне. И в последний раз.

“ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА ЧТО-ТО СВОЕ...”

Это Вадим понял не сразу. Особенно обдумывать происходящее было некогда. Ему просто казалась, что эта война какая-то странная, ничем не похожая на ту, Великую, о которой читал книги и видел фильмы. Там солдаты были одержимы идеей защиты Отечества от захватчиков. Их боевой дух постоянно поднимали политруки и командиры. А здесь просто издавались приказы: “Открыть огонь!”, “Прекратить огонь!” И все. Да в принципе большего и не требовалось. Рассуждать на тему о том, что это за война, кто за что воюет, ни Вадиму, ни ребятам совершенно не хотелось. У всех была только одна мысль: лишний раз не высовываться, а то не сносить головы. И одно желание: уцелеть и поскорее вернуться домой. Почему-то после боя, когда все нервы напряжены, как оголенные провода, ребята засыпали каменным сном, и им всем почти всегда снились мамы. Утром шутили: “Тебе опять маманя приснилась? И мне тоже! Да что это такое, в самом-то деле? Хоть бы девчонка какая приснились, а то все мама да мама!”

...Колонна “БТРов” двигалась по разбитой дороге, как неожиданно откуда-то вынырнул чеченский мальчонка лет семи. Вадим успел увидеть только щуплую

фигурку с гранатометом на плече. Никто не успел опомниться, как мальчишка жажнул из оружия по “БТРу”, возглавлявшему колонну, но не попал. Взрывная волна пошла низом – никто не пострадал. Парнишка бросился бежать. Колонна возобновила свое движение...

Наших ребят предупреждали: все чеченцы поголовно – от детей до стариков – хитрый, мстительный, коварный народ. Надо постоянно быть начеку: от них всего можно ожидать. Из уст в уста передавался страшный рассказ: однажды чеченские боевики предприняли вылазку, применив так называемый “живой щит”: гнали перед собой толпу женщин, детей, пленных русских ребят. Наши солдаты опустили автоматы, несмотря на то, что между ними метался командир и кричал: “Огонь!”, “Открыть огонь!”. Но они не смогли: ведь там были свои, и там были женщины, державшие у груди младенцев. Подойдя ближе, “живой щит” ожил: в руках женщин и стариков появилось оружие, из которого они стали поливать растерявшихся солдат. Всех ребят уложили...

Этот случай потряс Вадима. Он не знал, что испытывает. Страх? Ненависть? Нет, пожалуй, не было ни того, ни другого. Было недоумение. И была мысль: они защищают что-то свое, родное – все вместе, насмерть. А что защищал он, Вадим?

Но и об этом задумываться было некогда. Поступил приказ: освободить от боевиков один из дачных поселков под Гудермесом.

В том бою Вадим был ранен, попал в госпиталь. Ранение, к счастью, нетяжелое: осколок засел под бровью, хорошо, что не в глаз. Четыре дня в госпитале, и снова на войну. А тут новость – он, Вадим Никитин, награжден орденом Мужества. Вскоре и долгожданный “дембель” наступил. Капитан Веселков, уважаемый всеми ребятами, прошедший и Афган, и Чечню, сказал Вадиму на прощание, что лично проследит за тем, чтобы награда “догнала” его. И выполнил свое обещание. Спустя ровно год, Вадим получил этот орден. Радовался ли он ему? Конечно, удовлетворение было. Все-таки орден Мужества – это вроде символа того, что он, Вадим, не струсил, честно выполнял свой долг солдата. Но героем в истинном значении этого слова он себя не считает, как, впрочем, и другие ребята тоже. Ведь герой – это прежде всего победитель. А были ли они победителями? Или потерпели поражение? И вообще –

ЧТО ЭТО БЫЛО?

С войны возвращались, почти пьяные от радости, что живы, что скоро будут дома. Но состояние было точно такое, как в песне поется: туда ехали – “громко пели и пили вино”, а обратно – “просто молча смотрели в окно”. Они возвращались домой другими...

Вадим обо всем этом больше не думает. Впереди – целая жизнь. Работа. Мама, отец, брат с сестрой. Сейчас вот и любовь пришла. Чего еще человеку желать?

...Но снова и снова вжимается он лицом в промерзшую землю и глохнет от грохота войны. Снова и снова закрывает он мертвые глаза друга. И плачет. И просыпается от сумасшедшего захлеба сердца. И до сих пор не поймет: так что же это было?

ПЕРСОНАЛИИ

ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ (1930 – 1980 гг.). Член Союза писателей СССР. Родился в г.Мезени Архангельской области. Служил на Балтийском флоте. После демобилизации с 1955 г. работал в городской газете “Ухта”. Через три года переехал в Усть-Цильму. Окончил высшие литературные курсы. Автор двадцати книг стихов и прозы, добрая половина которых вышла в центральных издательствах.

ПЕХТЕРЕВ ИВАН ЕГОРОВИЧ родился в 1938 году. В 1960 г. окончил факультет журналистики Минского государственного университета. Сразу же приехал в Ухту. Работал редактором Ухтинской студии телевидения. Стихи публиковались в коллективных сборниках “В краю таежном” и “Переключка”. Автор поэтического сборника “Лебеди летят на север” (1970 г.). В городе и в республике известен также как автор песенных текстов. На его стихи написаны песни “Мамины глаза”, “Речка-реченька”, “Есть такая планета Вуктыл”, “Аленушка” и др.

ФЕДОРОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ. Член Союза писателей России. Родился в 1965 году в г.Горьком. Автор сборника стихов “Лимит”, автор семи пьес, автор песенного магнитоальбома “Сыктывкарская строка”, автор трех книг прозы “Человек сажает ягель”, “Север на западе”, “Под небом из бересты”. Лауреат газеты “Литературная Россия” за 1998 г. В Ухте с 1988 года, затем переехал в Сыктывкар и далее в Нижний Новгород.

ВОЛОДАРСКИЙ НИКОЛАЙ АБРАМОВИЧ (1914 – 1992 гг.). Член Союза писателей СССР. Родился на Украине в Кировограде. Подвергшись репрессии, попал на север, в Ухту, где прожил более полувека и здесь же похоронен. Учился в Литературном институте им. Горького. Один из колоритнейших ухтинских и республиканских поэтов. Автор десяти поэтических сборников. Много лет руководил литературным объединением города.

ПАШНЕВ АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ. Член Союза писателей России. Родился в 1952 году в Белгороде. Окончил Белгородский индустриальный техникум и Ленинградский электротехнический институт связи имени М.А.Бонч-Бруевича. Публиковался в журналах “Советский воин”, “Север”, “Ухта литературная”, в газете “Литературная Россия”, в альманахе “Белый бор” (2-й выпуск), в коллективных сборниках “Диалог под звездами”, “Отражение”. Автор двух сборников стихов “Лирика” и “Возвращение”. В 1995 году за первый сборник стихов “Лирика” общественной организацией “Русский дом” присуждена первая литературная премия имени С. Есенина. Живет и работает в Ухте с 1974 года.

ИЛЛАРИОНОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ. Член Союза писателей России. Родился в 1952 году на ст.Израель Сосногорского района, где живет и по сегодняшний день. Работает дефектоскопистом дистанции пути в Сосногорском отделении Северной железной дороги. Публиковался в альманахе “Белый бор” (1-й и 2-й выпуск), в коллективных сборниках “Северный автограф”, “Диалог под звездами”, “Отражение”, в журналах “Север”, “Ухта литературная”. Автор поэтических сборников “Одиночество”, “Маленькая станция”.

ТЕРНОВСКИЙ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ. Член Союза писателей России. Родился в 1930 году в г.Москве. После окончания Московского геологоразведочного института приехал на север и обосновался в Ухте. Лауреат литературной премии “Ухтинская Ника” (2000 г.). Публиковался в журналах “Нева”, “Север” и “Ухта литературная”, в альманахах и коллективных сборниках: “Переключка”, “Радуга свершений”, “Гамма”, “Северный автограф”, “Отражение”, “Геология – жизнь моя...”, “Негаснущий костер”. Автор поэтических сборников “Неудобная земля” и “Стихи очень разных лет”. Несколько лет руководил литературным объединением. Соредатор журнала “Ухта литературная”. В Республике Коми и Ухте с 1954 года.

КОРЮГИН ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ родился в 1948 году в деревне Варнаки Нолинского района Кировской области. Окончил Исовский геологоразведочный техникум и Ухтинский индустриальный институт. Геофизик. Публиковался в журнале “Ухта литературная”, в коллективном сборнике “Отражение”. Автор поэтического сборника “Час прозрения”. В настоящее время председатель литературного объединения. В Ухте с 1971 года.

МАКСИМОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ родился в 1956 году в Свердловске. Образование среднее. Работает телемастером. Лауреат литературной премии “Ухтинская Ника” (2000 г.). Печатался с большой подборкой стихов в журнале “Ухта литературная”. В Ухте с 1960 года.

БОТВИННИК ГРИГОРИЙ ЗИНОВЬЕВИЧ родился в 1935 году в городе Ереване. Профессия – музыкант, работник культуры. Стихи публиковались в коллективном сборнике “Отражение”, в журнале “Ухта литературная”. Автор совместного с Геннадием Ивановым поэтического сборника “Листья памяти”. На севере с 1964 года, столько же лет в Ухте.

АНШУКОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ родился в 1952 году в Усть-Цилемском районе Республики Коми. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Преподает в горно-нефтяном техникуме. Публиковался в коллективном сборнике “Отражение”, в журнале “Ухта литературная”. Автор поэтического сборника “Стремление к бесконечности”. В Ухте с 1979 года.

БОГДАНОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ. Член Союза журналистов России. Родился в Волгоградской (Сталинградской) области. Окончил Ленинградский университет. Работал в газете, редактором телевидения, собкором республиканского радио. В настоящее время свободный художник. Стихи печатались в периодической печати Кировской и Волгоградской областях, республики Коми, в коллективных сборниках г.Кирова. В Ухте с 1967 года.

ИВАНОВ ГЕННАДИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ родился в 1941 году. Окончил Московский Литературный институт им.Горького Союза писателей СССР. Работал в полевых сейсморазведочных партиях, в разные годы был корреспондентом, референтом. Публиковался в коллективном сборнике “Отражение”, в журнале “Ухта литературная”. Автор поэтического сборника “Тропинка забытой любви” и совместного с Григорием Ботвинником поэтического сборника “Листья памяти”. Председатель Ухтинского литобъединения в 80 – 90-е годы. В Ухте с 1971 года.

ЖУКОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (1920 – 2000 гг.). Родился в селе Кадом Рязанской области. Много лет проработал в СМУ-4 треста “Жилстрой”. Публиковался в коллективном сборнике “Отражение”, в журнале “Ухта литературная”. Автор поэтического сборника “Через сердце свое”. В Ухте с 1950 года.

ШИРОКОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕРЬЕВНА родилась в г.Грозный в 1975 г. Окончила Художественную школу в г.Ухте, Кировское музыкальное училище. Работает руководителем хоровой студии “Юность”. Публиковалась в коллективном сборнике “Отражение”, в журналах “Сама Я”, “Прекрасная половина”, в республиканских газетах. В Ухте с 1985 года.

ЖУКОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1944 году в Хабаровском крае в семье боевого летчика. Выпускник Харьковского авиационного института и Литературного института им. М.Горького. Его статьи, очерки, повести и рассказы публиковались в журналах “Север”, “Советский воин”, “Гражданская авиация”, “Войвыв кодзув”, “Ухта литературная”, российском альманахе “Лири”, в коллективных сборниках Коми книжного издательства, центральных и республиканских газетах. Участник Всесоюзного совещания писателей Армии и Флота. В Ухте с 1968 года.

МИЛЬКОВ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ родился в 1946 году в г.Ухте, в котором проживает по сегодняшний день. Окончил Ухтинский индустриальный институт. Внедрял новую технику в “Ухтанефтегазгеология”, сейчас работает прибористом на “ЛУКойл Ухтанефтепереработка” (НПЗ). Лауреат литературной премии “Ухтинская Ника” (2000 г.). Неоднократно печатался в журнале “Ухта литературная”. Автор книжки научной фантастики “14 тигров и 6 шакалов”. Председатель УКЛФ (Ухтинский клуб любителей фантастики) под таким же названием “14 тигров и 6 шакалов”. Редактор журнала “Ухта литературная”.

НОВИКОВА ТАМАРА МУРАТОВНА. Член Союза журналистов России. Родилась 22 февраля 1952 года в г.Сосногорске. Училась в Архангельске и Москве. Имеет профессию театрального режиссера. Долго работала по специальности. В настоящее время трудится журналистом в городской газете “Ухта”. Печаталась с рассказами в республиканских изданиях, в сборнике “Диалог под звездами”, в журнале “Ухта литературная” № 12. В Ухте с 1979 года.

Мы – зараженные совестью: в каждом
Стенке – святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.
Максимилиан ВОЛОШИН

Как я люблю тебя, Россия,
Когда над миром твой народ
Скрижали поднял огневые,
Скрижали вечные свобод.
Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Рассей?
Демьян БЕДНЫЙ

Россия – лен, Россия – синь,
Россия – брошенный ребенок,
Россию, сердце, возноси
руками песен забубенных.
Николай АСЕЕВ

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Эдуард БАГРИЦКИЙ

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: “Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда”.
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
Анна АХМАТОВА

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами...
Николай ТИХОНОВ

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.
Николай ТИХОНОВ

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета), –
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.
Михаил СВЕТЛОВ

Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!
Михаил СВЕТЛОВ

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
“Гренада, Гренада,
Гренада моя!”
Михаил СВЕТЛОВ

Нет, мы не скифы.
Не пугаем шкурой.
Мы пострашней,
чем копыеносный бой.
Мы – новая бессмертная
культура

Мильонов, осознавших
гений свой.
Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

“Алло, Русь!.. Твой пастуший рожок
Мы вытрубим в рог изобилья!..”
Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Я люблю свою родину тихо.
Как она мне бывает мила!
(Для китенка даже китиха
Уютна, тепла и мала)

Я люблю без лихого гусарства,
Лобызавшего дедов пистоль.
Просто боль моего государства –
Это моя
Боль.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

...Что пуля? Пуля – дура.
А пуле смерть – сестра.
Иосиф УТКИН

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим
не внемля,
Не подумай, что это – другая.
Это значит... сырая земля.
Иосиф УТКИН

Смелей вперед, и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы – молодая гвардия
Рабочих и крестьян.
Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

Любить грешно ль, кудрявая,
когда, звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.
Борис КОРНИЛОВ

Смелый к победе стремится,
Смелым дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.
Алексей СУРКОВ

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
Алексей СУРКОВ

Да, есть слова глухие,
Они мне не родня,
Но есть слова такие,
Что посильней огня!
Они других красивей –
С могучей буквой “р”,
Ну, например, Россия,
Россия, например!
Александр ПРОКОФЬЕВ

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашисткой силой темною,
С проклятою ордой!
Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Дан приказ: ему – на запад,
Ей – в другую сторону...
Уходили комсомольцы

На гражданскую войну.
Михаил ИСАКОВСКИЙ

И у мертвых, безгласных
есть отрада одна:
мы за родину пали,
но она – спасена.
Александр ТВАРДОВСКИЙ

В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.
Николай МАЙОРОВ

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы
в “мать” и “перемать”,
Потому что имя ближе,
чем “Россия”,
Не могла сыскать.
Юлия ДРУНИНА

Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел.
Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.
Владимир ВЫСОЦКИЙ

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают, –
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.
Владимир ВЫСОЦКИЙ

Ах, Арбат, мой Арбат,
Ты – моё отечество...
Булат ОКУДЖАВА

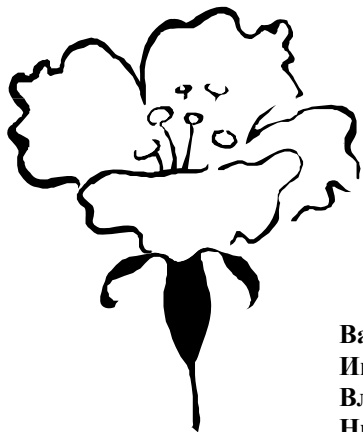
Россия! Я твой капиллярный сосудик.
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Господа офицеры,
по натянутым нервам
я аккордами веры
эту песню пою...
Офицеры, офицеры,
ваше сердце под прицелом
за Россию и свободу до конца.
Офицеры, россияне,
пусть свобода воссияет,
заставляя в унисон звучать сердца.
Олег ГАЗМАНОВ

Не нужен нам берег турецкий,
И Африка нам не нужна!
(песня)

Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.
(из послевоенной частушки)

Богатырска-я наша сила!
Эх! Сила воли и сила ду-ха.
(песня)

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

	стр.
Василий Журавлев-Печорский	2
Иван Пехтерев	2
Владимир Федоров	4
Николай Володарский	5
Анатолий Пашнев	11
Анатолий Илларионов	13
Игорь Терновский	14
Павел Корюгин	27
Александр Максимов	29
Григорий Ботвинник	30
Владимир Аншуков	31
Владимир Богданов	31
Геннадий Иванов	32
Николай Жуков	33
Светлана Широкова	33

Проза

Валерий Жуков (иллюстрации автора)	
Двое (рассказ)	36
08 и восьмое марта (рассказ)	38
Валька, Валька... (рассказ)	40
Алексей Мильков	
Карательная психиатрия (НФ рассказ)	43
Лаврик (юмор. рассказ)	52
Тамара Новикова	
На войне – как на войне... (очерк)	53
ПЕРСОНАЛИИ	55

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	1-74-91
Игорь Терновский		6-12-46
Валерий Жуков		4-52-95

Номер журнала издан при содействии
Фирмы “Стоун”
Директор Ачилова Т.И.

Набор и верстка компьютерные. Печать офсетная. Тираж 500.
Муниципальное предприятие “Ухтинская типография”.
169400, Республика Коми, г. Ухта, ул. Губкина, 24.